

Софи Джордан

*Сладкое
желание*

Софи Джордан

Сладкое желание

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2017

УДК 821.111(73)

Джордан С.

Сладкое желание / С. Джордан — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

ISBN 978-6-17-126032-0

Грасиэла, герцогиня Отенберри, – дерзкая красавица испанских кровей. Она поступает так, как велит ей сердце, чем шокирует общество. Где это видано, чтобы порядочная женщина рискнула отправиться в известный лондонский клуб удовольствий и разврата? Всего на одну дикую ночь с незнакомцем, который сможет исполнить все ее тайные желания. Но страсть мимолетной связи – лишь маска, за которой Эла прячет глубокие чувства к лорду Стрикленду. Лорд также отчаянно жаждет любви этой безрассудной женщины. У них есть всего одна ночь и сладкое желание...

УДК 821.111(73)

ISBN 978-6-17-126032-0

© Джордан С., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Софи Джордан

Сладкое желание

S. Jordan

The Scandal of It All

© Sharie Kohler, 2017

© Jon Paul, обложка, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Посвящается моей тете Лоретте – одной из первых героинь, с которыми я когда-либо сталкивалась в своей жизни. Твоя сила, энергия и заразительный смех неизменно меня вдохновляют.

Глава 1

Дамы, облаченные в черное и чем-то похожие на ворон, ходили туда-сюда по комнате, прикладываясь к еде на своих малюсеньких тарелочках с такой же энергичностью, с какой они разглагольствовали о недавней кончине леди Вандерхолл, покоящейся теперь в обитом бархатом гробу, поставленном у дальней стены гостиной.

Помещение было полностью обтянуто черным сукном, скрывающим цветастые обои. Непроницаемая ткань покрывала и окна тоже, не давая дневному свету попадать внутрь помещения. На всех горизонтальных поверхностях стояли горящие свечи, из-за пляшущего пламени которых в этом полутемном помещении мелькали беспокойные тени. Завтра лишь близкие родственники и друзья будут сопровождать этот гроб в церковь на церемонию похорон, а пока что прийти и проститься с усопшей могли все желающие. Люди заходили и уходили, меняя при необходимости свечи. Помещение все время было освещено, и тело ни на минуту не оставалось в полном одиночестве.

– Так трагично, – сказала одна дама с похожим на клюв носом, слегка помахав своим бутербродом с ветчиной с таким категоричным видом, как будто именно она первой сделала подобное замечание по поводу этого печального события.

– Как, по-вашему, у ее дочерей останутся хоть какие-то воспоминания о ней? – спросила другая дама, окидывая взглядом комнату в поиске маленьких девочек.

– Сомневаюсь. Им ведь, насколько мне известно, лишь десять и восемь лет от роду. Они еще совсем малышки. Но это, конечно же, даже к лучшему.

Грасиэла, герцогиня Отенберри, допила остатки своего лимонада в надежде на то, что они изгонят кислый привкус у нее изо рта. Затем она посмотрела тоскливым взглядом в сторону двери, подумывая о том, что пора бы уже отсюда и уйти.

Это к *лучшему*, что они забудут свою мать? Тогда получится так, как будто ее никогда не было на свете, как будто она стала прахом, развеянным по ветру, и эти пустомели еще заявляют, что это будет к *лучшему*?! Она полагала, что они ошибаются. Что они абсолютно не правы.

Скончавшаяся недавно леди Вандерхолл была ее подругой. Подруг у Грасиэлы было очень мало, а потому она переживала эту утрату весьма болезненно.

Как только до нее донеслись слухи о неожиданной кончине Эванджелин в результате несчастного случая во время поездки верхом, Грасиэла отправилась из своего поместья – поместья Отенберри – в Лондон, чтобы почтить память умершей. При этом ей пришлось оставить в поместье свою дочь и падчерицу. Не было смысла тащить их в такую даль ради столь мрачного мероприятия, как похороны, тем более что с леди Вандерхолл они почти не были знакомы.

Как бы там ни было, ее дочь и падчерица остались в поместье. В это время года развлечений в Лондоне было очень и очень мало. Лепить в поместье снеговиков, съезжать на санках по склонам холмов и читать Байрона перед камином, прихлебывая какао, – такое времяпрепровождение было для ее девочек более привлекательным. По правде говоря, в данный момент оно казалось более привлекательным и для Грасиэлы. Находиться в этом доме становилось для нее попросту невыносимым. Она и так уже пришла в уныние из-за смерти подруги, а тут еще эти женщины, усугубляющие ее горе своими неуместными репликами.

Ей было почти невозможно находиться здесь, на этой церемонии прощания с бедняжкой Эванджелин. А ведь завтра, на похоронах, ей будет еще тяжелее...

– Скопище всякой швали.

Возле нее остановилась Мэри-Ребекка – пожалуй, единственная оставшаяся теперь у нее верная подруга.

Как и Грасиэла, леди Толбот была молодой вдовой, не пользующейся большим благоволением со стороны светского общества. Они здесь были чужачками с самого начала. Мэри-

Ребекка была ирландкой, а Грасиэла приехала в Англию из Испании. Наверняка далеко не одна леди мысленно обвиняла их в том, что они «отняли» мужа у какой-нибудь более подходящей для него английской леди. Когда Грасиэла только приехала в Англию в возрасте каких-нибудь восемнадцати лет, она слышала, как люди тихонько шушукуются у нее за спиной, но и теперь, когда ей уже исполнилось тридцать пять, она по-прежнему слышала это шушуканье. В жизни всегда есть что-то такое, что никогда не меняется.

– О боже, они, как мне кажется, наслаждаются этим, – прошептала Мэри-Ребекка. – Несчастья других людей дают им возможность почувствовать себя лучше в их ничем не примечательной жизни.

Грасиэла покосилась на подругу и поднесла чашку к губам:

– Думаю, для сегодняшнего дня мы проявили по отношению к усопшей уже достаточно уважения.

– Совершенно верно. – Мэри-Ребекка кивнула в знак согласия и отвернулась. – Ну так что, уйдем отсюда?

Они направились к выходу из дома, провожаемые несколькими откровенно недоброжелательными взглядами.

– Наш дом сейчас в моем полном распоряжении, – сообщила Грасиэла, надевая перчатки в ожидании того, когда подадут ее карету и карету подруги. Выйдя на крыльцо, она стояла на ступенях и зябко куталась в свой плащ, отороченный горностаевым мехом. С сумрачного неба падали редкие снежинки. – Может, поедешь со мной и чем-нибудь подкрепишься? Мы вдвоем помянем Эванджелин, а затем ты можешь рассказать о том, как прошел твой недавний отдых с детьми. Мне хотелось бы об этом услышать.

– Дом в твоём полном распоряжении? Даже не верится! Когда я выезжала сегодня после полудня, мои мальчики дрались друг с другом деревянными мечами, а дочка устроила истерику из-за того, что она не могла найти свою любимую китайскую шаль. – Мэри-Ребекка посмотрела вверх, на небо. – И виноватой в этом почему-то оказалась я.

Грасиэла хихикнула, прекрасно понимая, что такое частенько бывает в их жизни:

– Ну да, конечно.

– Так что я отнюдь не спешу возвращаться домой. Показывай, куда ехать, моя дорогая подружка.

Грасиэла, улыбаясь, позволила конюху помочь ей сесть в карету. Она, по правде говоря, и сама очень редко оказывалась дома в одиночестве. Ее дочь Клара и падчерица Энид всегда находились где-то рядом с ней. Впрочем, подобное положение вещей вполне устраивало Грасиэлу. Ей очень нравилось находиться в окружении своих родственников и друзей. Она с ужасом думала о том дне, когда ее дочь выйдет замуж и станет жить отдельно. Она, конечно же, хотела, чтобы Клара нашла свое счастье и вышла замуж за хорошего человека. Учитывая, что Кларе уже исполнилось четырнадцать лет, этот день наступит довольно скоро – как говорится, не успеешь и оглянуться.

Жизнь течет быстро. Грасиэла, казалось, всего лишь вчера бегала босиком по папиному винограднику, будучи обыкновенной девчонкой с растрепанными волосами, которая громко хихикала, играя в догонялки со своими родными и двоюродными сестрами и братьями. Теперь же она была почтенной герцогиней, матерью дочери-подростка.

Она боялась расставания не только с Кларой, ей не хотелось терять и Энид тоже, по которой она будет скучать. Правда, ее падчерица по всем принятым в обществе меркам уже была старой девой. Тем не менее Грасиэла полагала, что Энид когда-нибудь все-таки выйдет замуж. Она чувствовала, что у Энид есть настойчивое желание обзавестись своим собственным домом, мужем и детьми. Она замечала это желание в выражении глаз Энид, когда та узнавала, что другие девушки ее возраста выходят замуж и становятся матерями. Правда, падчерица Грасиэлы была упрямой и чрезмерно умной, с явной склонностью к тому, чтобы быть

«синим чулком», и это отнюдь не было теми качествами, которые люди стремились найти в английской невесте. Однако Грасиэла даже не сомневалась, что Энид в конце концов встретит джентльмена, которого эти ее качества вполне устроят.

И тогда она, Грасиэла, останется совсем одна. Будучи вдовой, она смирится со своим положением и будет наблюдать за сменой времен года в ожидании приезда к ней в гости кого-нибудь из родственников.

Приехав наконец-таки к своему городскому особняку, она сделала над собой усилие и отогнала унылые мысли, полагая, что они были вызваны общей мрачной атмосферой сегодняшнего дня. Без Клары и Энид дом показался ей очень тихим... и даже пустым, хотя в нем находилось два десятка слуг.

Грасиэла прошла вместе с Мэри-Ребеккой в гостиную. Там она сняла перчатки и, вызвав колокольчиком слугу, велела ему принести ее любимую мадеру – крепкое белое вино, изготовленное из винограда, собранного в тех землях, где когда-то находился виноградник ее отца. Именно когда-то, потому что теперь какой-то дальний родственник владел и этими землями, и титулом ее отца, однако всего лишь один глоток вина неизменно уносил Грасиэлу в дом ее детства, вызывая у нее связанные с ним приятные воспоминания.

Ко всему тому, что было в ее жизни *до* Отенберри. То есть до того, как ее жизнь стала... сплошным разочарованием.

Миссис Уэйкфилд, экономка, принесла графин вместе с пирожными и печеньем. Грасиэла и Мэри-Ребекка так много за один присест никогда не съели бы, но тем не менее они с жадностью набросились на еду.

– Благодарю вас, миссис Уэйкфилд. А то мне сегодня с утра как-то совсем не хотелось есть, – сказала Мэри-Ребекка, откусывая первый кусочек.

– Как ужасно то, что произошло с леди Вандерхолл!.. – вздохнула миссис Уэйкфилд. – Лично я никогда не стану ездить верхом на чем-либо четвероногом.

Мэри-Ребекка, пережевывая первый откушенный ею кусочек, восторженно заявила:

– Вы обязательно должны прислать рецепт этого лимонного печенья моей поварихе. Оно восхитительно!

– Я это обязательно сделаю, миледи. – Миссис Уэйкфилд, вежливо кивнув леди Толбот, направилась было к дверям, но затем вдруг остановилась и спросила, обращаясь к своей хозяйке:

– Вы сегодня вечером будете ужинать дома, ваша милость?

Ужин. Грасиэла едва не скривилась, мысленно представив себе, как она будет есть в одиночестве за огромным обеденным столом.

– Да. Но будет достаточно и того, что мне принесут ужин в мои покои. Благодарю вас, миссис Уэйкфилд.

Пожинать в одиночестве в своей комнате – да, так наверняка будет лучше.

Экономка кивнула и вышла из гостиной.

Съев еще несколько печений с лимонной глазурью, Мэри-Ребекка весьма небрежно откинулась на спинку кресла и положила руки на подлокотники.

– Какой ужасный день!

Грасиэла мрачно произнесла:

– Не могу поверить, что ее и в самом деле больше нет.

– Всего лишь месяц назад она говорила мне о том, что хочет поехать вместе со мной и детьми в Озерный край¹, пока еще не начались холода. – Мэри-Ребекка покачала головой и недовольно хмыкнула. – Никто, увы, не может знать, когда наступит его конец.

¹ Озерный край – горный регион в Англии, знаменитый своими живописными горными и озерными ландшафтами. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

– Она была почти одного с нами возраста, – с грустью прошептала Грасиэла.

– Да, ей в ноябре исполнилось бы тридцать шесть.

У Грасиэлы появилось неприятное чувство: печенье вдруг стало ощущаться на ее языке как какая-нибудь грязь, – и она перестала жевать.

– Что случилось? – Мэри-Ребекка озабоченно посмотрела на подругу и, выпрямившись, протянула руку за еще одним печеньем.

Грасиэла пожала плечами, чувствуя в животе неприятный холодок.

– Я думала, она старше.

– Эванджелин? Нет, она просто выглядела старше своих лет. Ее чертов муж подкинул ей годков.

Грасиэла облизала губы.

– Мне исполнится тридцать шесть в сентябре.

Получалось, что Грасиэла была старше Эванджелин. Старше ее бедной подруги, которая недавно умерла. Умерла, правда, совершенно неожиданно. Это был дурацкий несчастный случай, но все равно было как-то странно осознавать, что она умерла в таком возрасте.

– А-а, понятно. Думаю, ты будешь следующей.

Произнося эти слова, Мэри-Ребекка с напускным видом сочувственно кивнула.

– Ах ты!.. – Грасиэла бросила в подругу недоеденный кусочек печенья. Мэри-Ребекка вообще-то была падка на такие вот плоские шуточки. – Ничего себе заявленьице!

– Что? – Мэри-Ребекка стряхнула со своих юбок рассыпавшиеся по ним крошки. – Думаешь, мне это нравится хоть сколько-нибудь больше, чем тебе? Я вообще-то на два года старше тебя. Правда заключается в том, что такое может произойти с каждой из нас. Смерть не разбирается, что за человек перед ней. Эванджелин была очень даже энергичной, болтала и смеялась, и тут вдруг...

Она замолчала, но то, что она не договорила, казалось, тяжело повисло в воздухе между ними.

Грасиэла вздохнула.

Мэри-Ребекка, выдержав небольшую паузу, добавила:

– Это заставляет задуматься. Я, например, намереваюсь наслаждаться своей жизнью... Независимо от того, сколько ее у меня еще осталось.

Грасиэла уставилась на потрескивающее в камине пламя и некоторое время смотрела на него не моргая. Да уж, такие непредвиденные события, как смерть, действительно заставляют задуматься.

Вот уже десять лет, как она стала вдовой. Она прожила последние семнадцать лет в Англии – сначала как верная жена, а затем как заботливая мать и мачеха. Ничем другим она, как личность, вроде бы не выделялась.

Милая Клара, весьма энергичная девочка, очень быстро обрежет узы, связывающие ее с родительским домом, и отправится навстречу своему будущему. А значит, она, Грасиэла, скоро останется одна и будет видеть вокруг себя одни лишь стены. Выходить во второй раз замуж ей совсем не хотелось. Ей было вполне достаточно и одного замужества.

Когда кто-то упоминал о ее покойном муже, она неизменно цепляла на себя благоговейную маску. Насколько было известно окружающим, ей очень повезло в том, что она вышла замуж за герцога Отенберри, ныне уже покойного. Она поддерживала этот миф для своей дочери. И для своих пасынка и падчерицы. Она не стала бы марать память их отца правдой о том, как все было на самом деле. Она сохранит правду только для самой себя. Прошное лучше похоронить, тем более что оно уже не имело никакого значения.

Ей, Грасиэле, нужно заботиться о своем настоящем и будущем.

Во всяком случае, до сегодняшнего дня это казалось ей вроде бы вполне достаточным. Более чем достаточным.

Сейчас же, когда она сидела здесь, рядом с Мэри-Ребеккой, и чувствовала, что смерть их подруги как бы нависает над ними, словно мрачная грозная туча, ей вдруг показалось, что то, что имело у нее в жизни, уже не является достаточным.

Внезапно она почувствовала пустоту и отчаянное желание получить что-то еще. Что-то еще *сейчас*. И еще больше – *завтра*.

– Мне, пожалуй, лучше прекратить есть, иначе я не влезу в то бесстыжее платье, в котором собираюсь отправиться сегодня вечером в «Содом».

Грасиэла слегка выпрямилась при упоминании этого клуба, имевшего дурную репутацию. Хотя сама она никогда не бывала под крышей столь сомнительного заведения, от Мэри-Ребекки ей было известно о том, что там происходит: подруга очень подробно рассказывала ей обо всех развратных удовольствиях, которые можно получить в «Содоме». На все вкусы. И темное, и светлое. И мимолетное, и более долговечное. И любовники, и незнакомцы. В общем, все, что хочешь, причем в одном месте. Конечно же, рассказы Мэри-Ребекки и заинтриговывали, и ужасали Грасиэлу в равной степени.

– Ты собираешься поехать в «Содом»? Сегодня вечером?

Мэри-Ребекка за последние годы уже бесчисленное количество раз приглашала Грасиэлу посетить вместе с ней этот клуб удовольствий. Грасиэла всегда отказывалась. Ведь ей уже довелось побывать в постели с мужчиной, своим супругом, и у нее не было потребности делить постель еще с одним.

– После такого дня, как сегодняшний, посещение «Содома» является еще более необходимым, чем когда-либо раньше. Оно напомнит мне о том, что я жива. – Мэри-Ребекка подняла свою изящную бровь. – Ты, пожалуй, тоже нуждаешься в таком напоминании. Может, поедешь со мной?

Довольно быстро после того, как умер ее муж, Мэри-Ребекка завела себе первого любовника. Вообще-то ее брак с лордом Толбот был по любви. Мэри-Ребекка когда-то была обычной деревенской девушкой, с которой лорд Толбот познакомился, покупая чистокровных лошадей на ферме ее отца в Ирландии. Теперь она говорила, что, познав удовольствия супружеского ложа, уже больше не может жить без любовных ласк.

Грасиэла же такого о себе сказать не могла.

Ей, честно говоря, ее муж поначалу нравился. Он в ней тогда души не чаял. Он был симпатичным мужчиной, хотя и значительно старше ее. Тем не менее супружеское ложе не доставляло ей удовольствия. Оно принесло ей разочарование. И в этом отношении *она сама* стала разочарованием для своего супруга. Ничуть не стесняясь, он сказал ей об этом уже в их первую брачную ночь. «Исходя из того, что ты обладаешь горячим темпераментом, Грасиэла, я раньше полагал, что ты будешь в постели поинтереснее, чем ты оказалась на самом деле», – пробурчал он, поднявшись с постели. Надев халат, герцог подпоясал его резким движением и смерил ее таким взглядом, от которого Грасиэле стало не по себе. В ту ночь он оставил ее одну. В их брачную ночь. Одну. Ее, переставшую быть девушкой, в холодной постели, жаждущую утешения. Это была первая из многих ночей, когда она подавляла в себе разочарование и довольствовалась удовлетворением капризов своего мужа, относящегося к ней, как к своей собственности.

Открытое разочарование в ней со стороны Отенберри сделало ее скованной и несколько замкнутой. А еще отбило у нее желание совершенствоваться в искусстве любви. Она знала, что ее муж довольствуется не одним лишь их брачным ложем. В последние годы их брака он проводил больше времени в постелях других женщин, чем в ее постели. Однако это уязвляло ее не очень сильно. В большей степени это было для нее даже облегчением. А еще Грасиэла осознавала, что это являлось явным свидетельством плачевного состояния ее брака.

Возможно, пришло время наконец-таки сделать шаг вперед и выяснить, каково это – переспать с другим мужчиной. Думая, что это действие не может доставлять какого-либо удо-

вольствия, она задавалась вопросом, почему же так много женщин проявляют к нему столь большой интерес?

Внезапно почувствовав сухость во рту, она сглотнула.

– Мэри-Ребекка... Расскажи мне еще про «Содом». Как этот клуб выглядит внутри? – Грасиэла никогда не пыталась узнать об этом месте что-нибудь сверх того, что рассказывала ей о нем по своей инициативе Мэри-Ребекка (а рассказывала она вообще-то довольно много), но теперь ей вдруг стало интересно, ей захотелось узнать побольше... – Если туда зайти, это ведь еще не означает, что тебе *придется*...

– О-о нет! – Мэри-Ребекка поспешно замахала руками. – Твое присутствие само по себе отнюдь не обязывает тебя делать что-то зазорное. – Она захихикала. – Поверь мне, там полно тех, кто пришел просто поглазеть. А еще там полно тех, кто только пьет и играет в карты. Они не принимают участия ни в чем из того, что происходит на втором этаже. – Мэри-Ребекка подмигнула. – А жаль. Именно там и происходит все самое интересное.

– Хм, – только и произнесла Грасиэла, все еще не решаясь согласиться.

– Ты можешь зайти туда просто поиграть, наслаждаясь тем, как тебя пожирают взглядами... Никто не говорит, что ты должна с кем-то переспать. Нет ничего более волнующего и лестного, чем привлечение к себе мужского внимания. Даже если это всего лишь легкий флирт, он тешит самолюбие женщины и дает ей возможность почувствовать себя... живой.

Грасиэла, вздрогнув, осознала, что она уже много лет не чувствовала себя «живой». А может, и никогда не чувствовала. Ведь между ней и ее мужем никогда не проскакивало даже искры настоящего чувства. Почти сразу же после того, как они поженились, она воздвигла вокруг себя оборонительные стены. Внешне она казалась счастливой, послушной женой. Однако внутри она ощущала пустоту, заставляя себя подавлять все свои желания, мечты о любви и страсти и жить реалиями.

Грасиэла посмотрела на подругу долгим задумчивым взглядом.

– Да уж... – прошептала она. – Было бы очень интересно почувствовать себя живой. Снова.

Она добавила последнее слово ради того, чтобы ее подруга вдруг не догадалась, насколько обделенной была в этом смысле она, Грасиэла. Мэри-Ребекка стала бы ее жалеть, если бы она узнала, что ее, Грасиэлы, сердце и тело были лишены всякого удовольствия не только в те годы, которые прошли после смерти ее мужа, но и в течение тех лет, когда она была замужем. А Грасиэле не хотелось, чтобы Мэри-Ребекка ее жалела.

– Мы можем надеть маски, – предложила Мэри-Ребекка и добавила: – Многие так делают. Грасиэла насмешливо фыркнула:

– Это с моим-то акцентом? И моим цветом кожи? Они там сразу же поймут, что это я.

Она уже не раз слышала краем уха, как та или иная светская дама шептала другой светской даме, что она, Грасиэла, смуглая, как какая-нибудь крестьянка, работающая в поле. На этот счет у нее не имелось никаких иллюзий. Узнать ее было очень даже легко.

Мэри-Ребекка пожала плечами:

– Освещение там довольно тусклое. И кто сказал, что ты должна что-то говорить? – Она поиграла своими изящными бровями. – Ты сможешь сделать своим ртом нечто совсем другое. Если захочешь.

– Вы порочная женщина, леди Толбот. – Грасиэла укоризненно покачала головой и засмеялась. – Так что ты там говорила про легкий флирт?

– Если хочешь легкого флирта, то тебе придется что-то говорить. Придется общаться с гостями. – Она пожала плечами. – Вообще-то, переживать совсем не стоит. Ни чуточки. Если кто-то и догадается, кто ты такая, то что из этого? Я хожу в клуб «Содом» уже годами, и все знают, что под вот этой маской – я. И никаких негативных последствий для меня не было. Мои дети никак не пострадали. Светские дамы смотрят на меня такими же взглядами, какими...

какими они на меня всегда смотрели. Не имеет значения то, что я делаю в свое свободное время. Отношение ко мне никогда не изменится. Я всегда буду ирландской выскочкой, которая подцепила себе графа Толбота. Мы – вдовы, Эла. И поэтому нам дозволяется вести себя гораздо более раскованно. – Она наклонилась к подруге и схватила Грасиэлу за руку. – Прошло уже целых десять лет. Тебе давно пора найти для себя в жизни какие-то удовольствия. Время для этого пришло. – Мэри-Ребекка слегка сжала руку Грасиэлы, как будто хотела придать ей побольше уверенности в себе. – Поживи немножко.

Поживи немножко.

Грасиэла опустила взгляд на свое черное траурное платье, и оно напомнило ей об Эванджелин – холодной и мертвой в ее гробу.

Она приподняла подбородок:

– В какое время мы отправимся туда?

Глава 2

– Что-то ты сегодня вечером аж присосался к бокалу, не так ли, Отенберри? Что, решил хорошенько напиться, да?

Граф Стрикленд уставился на своего давнишнего друга, сидящего по другую сторону стола.

– Возможно, – пробурчал герцог Отенберри, пожимая плечами. – А ты что, решил этого не делать?

Колин шумно вздохнул:

– Так ведь упоминались карты и женщины. Есть какая-то вероятность, что мы доберемся до них сегодня вечером?

Судя по скорости, с которой Отенберри поглощал бренди, он вскоре сможет добраться разве что до пола рядом со своим стулом, и тогда поднимать его и везти домой придется ему, Колину.

Ответом Отенберри было то, что он опять приложился к бокалу.

– Это все из-за твоего брата? Он тебя все еще раздражает?

Отенберри бросил недовольный взгляд на Колина.

– Сводного брата, – сердито сказал он. – Он мне не брат. И никогда не будет моим братом.

Колин медленно кивнул. «Раздражает» – это, пожалуй, еще слабо сказано.

– Вовсе он меня не раздражает, – продолжал Отенберри. – Мне, наверное, пришлось бы очень сильно на него разозлиться, чтобы он вдруг стал меня раздражать. – Он обхватил кончиками пальцев верхний край бокала. – Этот шотландский ублюдок не вызывает у меня вообще никаких эмоций. Струан Маккензи для меня – ничто.

Произнеся эти слова, Отенберри сердито поджал губы.

Колин, хотя он и не поверил сейчас своему другу, решил попридержать язык и лишь коротко кивнул.

Незаконнорожденный сводный брат Отенберри сумел завоевать симпатии всех своих ближайших родственников и их близких знакомых, и было очевидно, что последняя из этой серии побед Струана Маккензи разозлила Отенберри, что бы он сейчас ни заявлял.

Еще бы, ведь Струан Маккензи завоевал симпатии даже Поппи Фейрчерч. Более того, он, можно сказать, похитил эту юную соблазнительную продавщицу буквально из-под носа у Отенберри. Не имело значения, что Отенберри даже и не знал, что они начали встречаться, поскольку он в то время находился в коме. Поппи теперь была замужем за Струаном Маккензи, и этот факт отнюдь не радовал Отенберри.

– Очень хорошо. Тебя ничто не раздражает. Однако настроение у тебя сейчас мрачное, и поэтому мне скучно с тобой.

Колин оставил своего друга в покое и, подняв глаза, окинул взглядом комнату. Если Отенберри пребывал в скверном настроении, это еще не означало, что весь вечер должен быть испорчен.

Хотя почти все люди их круга разъехались на зиму по своим поместьям, в клубе «Содом» сегодня вечером было полно народу. В зале, где сидели Отенберри и Стрикленд, ходили туда-сюда несколько очень легко одетых женщин – и в масках, и без. Их наряд явно не соответствовал установившейся холодной погоде. Женщины эти были разных типов и, пожалуй, запросто смогли бы вывести любого мужчину даже из самого мрачного настроения.

– Тебе нравятся рыжеволосые, – сказал Колин, чувствуя себя взрослым человеком, который пытается уговорить ребенка съесть свой ужин. – Как насчет вон той птички?

Он показал рукой на женщину, направляющуюся вверх по широкой лестнице к отдельным помещениям на втором этаже. Она шла, изящно и соблазнительно покачивая бедрами.

Отенберри, отнюдь не прельстившись, лишь пожал плечами.

– Тогда, может, поднимемся наверх? – предложил Колин, надеясь оторвать Отенберри от бутылки. – Возможно, мы найдем там что-нибудь такое, что тебя заинтересует.

С того самого момента, как Отенберри вышел из комы, он частенько пьянствовал. Колин не терял надежды отучить его от этой привычки.

– Давай, иди. Я присоединюсь к тебе, как только закончу со своей выпивкой.

Колин вздохнул, сомневаясь, что Отенберри и в самом деле покинет свое место за столом.

Покачивая головой, он оставил Отенберри топить себя в бренди. Ему не хотелось больше быть свидетелем того, как его друг все больше погружается в трясину опьянения.

Он знал, что пребывание на волосок от смерти может очень сильно повлиять на человека. Маркус Отенберри, выйдя недавно из комы, обнаружил, что его мир изменился. Это вполне может повлиять на то, как мужчина будет воспринимать все, что его окружает. Колин решил дать своему другу возможность самому во всем разобраться. Кроме того, у него имелись и собственные проблемы, мысли о которых сегодня вечером снова и снова лезли ему в голову.

Он пообещал своей бабушке, что в ближайшие месяцы обзаведется невестой.

Его бабушка, эдакая старая карга, игнорировала внука в течение большей части прожитой им жизни, но недавно она пригласила Колина к себе в гости и сообщила ему, что он должен позаботиться о продолжении их рода. С этим он поспорить не мог. Время уже пришло. Ведь ему уже исполнилось двадцать девять лет.

Похоже, его холостяцкая жизнь подошла к своему концу. Он всегда считал необходимым блюсти супружескую верность, и это означало, что такие ночи, как сегодняшняя (то есть ночи, в которые он мог смело волочиться за женщинами легкого поведения), станут большой редкостью. Конечно же, он надеялся, что его жена будет достаточно привлекательной для того, чтобы супружеская верность не стала для него тяжким испытанием. Однако пока что он не встретил ни одной девушки, которая показалась бы ему подходящей для него. Более того, он не испытывал в этом смысле даже и малейшей симпатии ни к одной из знакомых ему девушек. Правда, он еще и не пробовал искать что-то соответствующее его вкусам в салонах и гостиных, на светских приемах и балах надлежащего уровня. Он, наоборот, избегал мамочек, подыскивающих для своих дочек подходящую партию, и отдавал предпочтение игорным домам и таким клубам, как «Содом».

Конечно же, время приглядываться к подходящим молодым леди уже пришло. Или же, по крайней мере, прислушаться к наставлениям его бабушки, поскольку уж она-то уделяла много внимания таким вопросам. Она прислала ему список «кандидаток», которых изучила лично. Все они были из семей с безупречной репутацией. У всех у них матери были плодовитыми – а значит, будут плодовитыми и они. Это, как он узнал, было для его бабушки самым важным критерием.

Его мать умерла, когда рожала его, и бабушка презрительно обозвала ее «слабачкой». Сидя в кресле, эта старая дама, закутанная в кашемировые шали и окруженная своими кошками, заявила, что его покойная мать была «уж слишком хрупкой» и «совсем не плодовитой». Она выставила шишковатый палец по направлению к Колину и поучительно произнесла: «Твоему отцу следовало жениться на женщине покрепче. На такой, которая так легко бы не сломалась. А он, глупец, прельстился красотой. Но с тобой такого не произойдет, парень. Я об этом позабочусь. Ты будешь поумнее моего Чарльза. Ты женишься на крепкой и плодовитой девушке».

Хотя его бабушка говорила о его будущей невесте как о какой-нибудь свиноматке-рекордсменке, он не утруждал себя тем, чтобы возражать ей. Колин прекрасно понимал, что достигшую семидесятилетнего возраста женщину уже невозможно изменить.

Отец его умер, когда Колин был еще маленьким мальчиком, однако он все же помнил большую тень мужчины, который заходил в детскую комнату. Держа в руке бокал с алкоголем,

импозантный граф таращился на Колина своими покрасневшими глазами. «Ты похож на нее, малыш». Затем – с таким видом, как будто он уже не мог больше этого выдерживать, – отец поворачивался и уходил, оставляя Колина наедине со своей нянькой.

Вот и все, что Колин помнил о своем родителе. Кончина графа Стрикленда отнюдь не стала в жизни Колина трагическим событием. Как-то утром экономка сообщила мальчику, что его отец умер, а затем, даже не вздохнув, поинтересовалась, хочет ли Колин, чтобы ему в кашу положили мед.

Он и дальше проводил свою жизнь преимущественно в одиночестве до тех пор, пока его не отправили в школу и пока он не встретил там Отенберри. Близкие родственники Маркуса в каком-то смысле стали для Колина заменой его ближайшего окружения. Он вдруг почувствовал, что ему уже не так одиноко, как раньше.

Несмотря на то, что у него не было крепких семейных уз, он все-таки чувствовал себя обязанным продолжить род Стриклендов. А может, как раз именно поэтому он это и чувствовал. Из-за того, что он не имел близких родственников. У него не было *клана*, который можно было бы назвать своим. Ему хотелось, чтобы у него были дети... То есть чтобы у него были какие-то близкие родственники. У него ведь их никогда не было. Он провел большую часть уже прожитой жизни в обществе представителей рода Отенберри. Все то время, которое он находился не в школе, его можно было найти среди них. Это было для него лучше, чем коротать время в опустевшей школе или же томиться от скуки в своем родовом поместье, где можно было пообщаться разве что со слугами.

Его имение уже больше не будет пустым после того, как он женится и наполнит его своими отпрысками. Эта мысль немного утешала его, ведь именно этого он тайно желал в душе. Ему хотелось, чтобы у него было с десяток детей, не меньше. Он усмехнулся. Его бабушка, вдовствующая графиня, пришла бы в восторг, если бы узнала о таких его надеждах. Чтобы обзавестись отпрысками, ему оставалось только одно – найти девушку, которая бы ему их нарожала.

Найти ее. Но не сегодня вечером. Сегодня вечером он не потратит уже больше и одной секунды на размышления о браке и о том, как бы обзавестись наследниками.

Колин поднялся по лестнице на второй этаж. Там было тише и темнее, чем на первом, и сама обстановка наводила на мысли об интимных встречах. У него таких встреч в «Содоме» за последние годы было отнюдь не мало. Сегодняшний вечер казался ему идеальным для еще одной такой встречи.

Он заморгал, привыкая к полумраку, и пошел вдоль по коридору мимо открытых дверей, за которыми происходили всевозможные нескромные действия. Идя по коридору, он заходил в некоторые из комнат и затем выходил из них. Он, пожалуй, найдет ту рыжеволосую и уговорит ее спуститься к Отенберри, чтобы оторвать его от общения с бутылкой.

И тут он заметил *ее*.

Его внимание привлекло то, что она стояла абсолютно неподвижно и молчала, хотя все остальные вокруг нее разговаривали, смеялись и жестикулировали, перемещаясь по залу.

Он зашел в просторный салон. Лампы с красными абажурами окрашивали помещение в огненные оттенки, и это делало обстановку какой-то потусторонней. Здесь люди могли почти забыть, что они находятся в центре Лондона, и представить себе, что проводят время в каком-нибудь пристанище разврата где-то в Средиземноморье.

Дизайн салона был тщательно продуман. В каждом углу и вообще по всему периметру имелись ниши, обеспечивающие уединение тому, кто его жаждал. Из закрытых занавесками укромных местечек доносились негромкие крики и стоны.

Колин наклонил голову, всматриваясь в женщину, которая заинтересовала его, сквозь пространство окрашенного в огненные оттенки салона. В ее одиночестве было что-то странное. Она, как и многие другие находящиеся здесь женщины, была в маске. Ее платье было темно-

красного цвета – как бургундское вино – и с большим вырезом, благодаря которому открывалась значительная часть ложбинки между грудей. Однако это никого бы не шокировало: для такого заведения, как это, она была одета довольно скромно.

Колин направился вглубь салона. Несколько парочек целовались и ласкали друг друга, сидя на диванах. Слышались смех и болтовня. Колин вдохнул запах похоти, интимной близости и необузданных желаний.

Сидя на диванчике в дальнем углу, какой-то мужчина орудовал рукой под юбками сидящей рядом с ним леди, доводя ее до исступления. Несколько человек с похотливым видом наблюдали за ними. Один джентльмен, усевшись на стул, расстегнул брюки и стал массировать свой член, возбуждая его. Женщина тем временем дышала все более отрывисто и поднимала юбки все выше и выше, чтобы ее партнер мог засовывать свои пальцы в нее глубже и быстрее.

Колину все это было знакомо. Он уже наблюдал за подобными сценами раньше, но его никогда к ним сильно не тянуло. При интимной близости с женщиной он предпочитал, чтобы их двоих никто не видел. Ему не нравилось, когда кто-то глазеет на него и его партнершу и возбуждается от лицезрения их действий. Когда он был близок с женщиной, ему не хотелось, чтобы его что-то отвлекало.

Обычно, оказавшись в подобной ситуации, он отворачивался и шел своей дорогой, однако сейчас та женщина, которая стояла в углу, все еще вызывала у него любопытство. Она показалась ему похожей на кролика, которого парализовало при виде хищника. Колин криво усмехнулся: вообще-то эта женщина оказалась в помещении, буквально кишашем хищниками.

Ее щеки сильно покраснелись. Она явно видела такую сцену впервые, и его охватило какое-то странное чувство. Ему стало жаль незнакомку? Захотелось защитить ее? Как бы там ни было, он вдруг почувствовал нелепое желание схватить ее за руку, увести отсюда и отправить подальше от этого места на какой-нибудь карете до того, как на нее успеют наброситься местные «волки».

Покачав головой, он отвернулся. В конце концов, она взрослая женщина, которая наверняка знает, где находится и чего ей хочется. Никто не приходил в «Содом», не зная при этом, *что* его там ждет. Эта женщина наверняка не хотела, чтобы ее спасали, как бы сильно она ни краснела.

Затем он заметил двух мужчин, направляющихся к ней. Это были братья Ботсамы. Разница между ними по возрасту составляла лишь один год. Будучи внуками покойного архиепископа Кентерберийского, они были известны всему Лондону своими порочными наклонностями. От Колина не ускользнула ироничность данной ситуации. Ни один мужчина не позволял ни своей дочери, ни своей сестре даже приближаться к этим двум мерзавцам.

Колин учился вместе с ними в Итонском колледже и собственными глазами видел, *как* они себя ведут. Они были очень жестокими мальчиками и развлекались тем, что забивали насмерть птиц и мучили котов, пойманных ими где-нибудь в окрестностях колледжа. Однажды Колин вместе со своим другом Отенберри застал их с дочерью садовника. Они, стаив с девочки ее дамские панталончики, занимались тем, что лупили ее по заднице хлыстом. Он и Отенберри заставили братьев прекратить это, однако без драки не обошлось. С тех пор у Колина имелся шрам над бровью – след от удара камнем одного из братьев.

Судя по слухам, манера поведения братьев за прошедшие с тех пор годы ничуть не изменилась. Они по-прежнему представляли собой извращенных ублюдков, и ему не хотелось иметь с ними никаких дел.

Он невольно напрягся, увидев, что они подошли к незнакомке. Даже через маску он заметил, как расширились глаза женщины, когда они стали оттеснять ее к одной из ниш.

Он ругнулся себе под нос, понимая, что ей совсем не нужно оказаться в той нише наедине с ними, и не желая, чтобы незнакомку затащили туда, где ее никто не будет видеть и где ее крики о помощи можно заглушить.

Его руки невольно сжались в кулаки, когда оба брата и эта женщина исчезли в одном из затемненных уголков. Впрочем, он, наверное, принимает происходящее уж слишком близко к сердцу, подумал Колин. Ведь это не что-нибудь, а «Содом».

– Вот черт!.. – прошептал он и пошел вперед.

Глава 3

Некоторое время она наблюдала за самой низменной из всех сцен, которые ей когда-либо доводилось видеть, задаваясь мыслью о том, куда подевалась Мэри-Ребекка и как ей, Грасиэле, можно было бы отсюда выбраться. Но потом перед ней появились двое мужчин и стали предлагать ей заняться такими непристойностями, от упоминания которых ей обожгло уши, а в животе возникло тошнотворное ощущение.

– Что вы делаете? Уберите свои руки! – возмущенно сказала она.

Но ее слов никто не услышал. Эти двое мужчин оттеснили ее к дивану.

Они двигались согласованно – так, как будто совершали подобные действия уже очень много раз. Их руки бесцеремонно схватили ее. Повернув ее вокруг оси, они толкнули женщину лицом вперед к дивану, обращаясь с ней так, как будто она была какой-нибудь тряпичной куклой, которую можно небрежно швырять туда-сюда, не боясь ее повредить.

– Прекратите! – воскликнула она, когда они стали приподнимать края ее юбок.

Она потянулась рукой и ударила одного из них по пальцам. Затем, выгнув спину, она ударила ногой куда-то позади себя. Ее туфля на каблучке с силой на что-то натолкнулась. Она услышала, как один из этих мужчин ругнулся, и затем почувствовала боль в своей ноге.

Второй мужчина засмеялся:

– А она драчливая. Что ж, это будет интересно. Давно уже с такими не сталкивался.

– Хочешь подраться, да? – Сильная рука схватила и потянула Грасиэлу сзади за волосы, заставляя ее напрячь шею. Затем рука на мгновение ослабила хватку, и от этого ее голова резко дернулась вперед, так что заколки выскочили из волос и попадали на диван и на пол, а сами волосы упали волнами ей на плечи. – Ну давай, дерись. Нам это очень даже нравится.

Она не могла поверить, что с ней такое происходит.

Она всего лишь хотела провести сегодняшний вечер не дома и... и пожить немножко. Хотела почувствовать себя живой, а не такой, как ее несчастная подруга, которая лежала мертвой в гробу. Однако сейчас начало происходить нечто ужасное, и все, чего ей теперь хотелось, это оказаться в безопасности своего дома. Ей захотелось снова оказаться в своей гостиной, перед потрескивающим в камине пламенем, вместе с Кларой и Энид. А вот того, что сейчас происходит, ей совсем не нужно. Что угодно, но только не это. Тех прекрасных волнующих ощущений, которых ей в последнее время хотелось, похоже, попросту не существует. Существует нечто совсем иное.

Она стала отчаянно вырываться, но у нее ничего не получалось. Но тут вдруг рука, удерживающая ее сзади за волосы мертвой хваткой, выпустила ее. Грасиэла повернулась и, повернув назад, увидела какого-то третьего мужчину, который с силой оттащил одного из двух ее обидчиков прочь от нее. Тот, потеряв равновесие, упал на пол, а третий мужчина, которого она в полумраке ниши толком рассмотреть не могла, наступил своим сапогом ему на шею и тут же схватил второго ее обидчика за галстук.

Она, совершенно неподвижно лежа на диване, наблюдала за происходящим. Еще никогда в своей жизни ей не доводилось видеть, как дерутся мужчины.

– Ботсам, мне кажется, что ты и твой брат слышали, что эта леди не хочет с вами общаться. Я уверен, что вы сможете найти кого-нибудь, кто благосклонно отнесется к знакам внимания с вашей стороны. Это ведь «Содом», и... и вкусы у тех, кто сюда приходит, самые разные.

– Ты взял себе за привычку вмешиваться в наши дела, Стрикленд. Сначала в Итоне, теперь здесь. Ты что, отслеживаешь нас в Лондоне?

«Стрикленд?»

При упоминании знакомой фамилии у нее екнуло сердце. Она поняла, что спасена, пусть даже ей будет очень неловко встретиться с лордом Стриклендом в такой постыдной обстановке. Этот граф никогда не позволил бы, чтобы той или иной леди причинили вред. Он, друг ее пасынка, был таким порядочным джентльменом, какие только бывают на свете.

– Насколько помню, вас обоих сурово наказали за ваши бесчинства в Итоне, – между тем продолжал лорд Стрикленд. – Хочешь, чтобы это еще раз повторилось, Ботсам?

– Ты здесь один. Я на этот раз не вижу рядом с тобой Отенберри. Без твоего друга тебе не так-то просто будет справиться с нами. Один против двоих – это не самый лучший расклад.

– Да нет, Отенберри сейчас совсем недалеко. Я уверен, что он с радостью еще раз отмутзит вас, никчемных свиней.

Ее охватила паника, а сердце забилося так, что у нее застучало в ушах. Ее пасынок здесь? «О-о нет».

Нельзя, чтобы он увидел ее здесь.

Граф, презрительно глядя на братьев, сказал:

– Но мне он сегодня вечером не понадобится. Я и сам вполне справлюсь.

Стрикленд еще сильнее надавил сапогом на шею мужчины, лежащего на полу, как бы подтверждая этим свою решительность. Мужчина вскрикнул и застонал.

– Ты ведь не хочешь, чтобы у вас с братом возникли проблемы, не так ли? Тебе известно, что миссис Банкрофт не потерпит никаких драк в этом заведении. Я уверен, что вам с братом не хотелось бы, чтобы вас сюда уже никогда не пускали. Никогда.

Последовала долгая пауза, в течение которой граф смотрел на мужчину, лежащего на полу. Грасиэла, затаив дыхание и держась рукой за горло, наблюдала за происходящим. Она пыталась предугадать, чем закончится это напряженное молчание.

Наконец тот, с кем разговаривал Стрикленд, прокашлялся.

– Ну ладно, сделаем так, как ты хочешь, – сказал он. – Здесь имеются и более податливые женщины. А вот эту мы оставим на твое попечение, – добавил он, ухмыляясь.

Стрикленд выпустил из пальцев галстук собеседника:

– Мудрое решение.

Расправляя свой измятый галстук, обидчик повернулся к женщине и посмотрел на нее таким взглядом, что она вдруг почувствовала себя грязью под его сапогом.

– Должен признаться, что в любом случае не испытываю большого влечения к темнокожим.

Она тяжело сглотнула. Это был уже не первый раз, когда она слышала подобное язвительное замечание по поводу цвета ее кожи. Ее темные волосы и глаза, а также отнюдь не молочно-белая кожа делали ее очень даже не похожей на других английских леди. Некоторые мужчины, правда, считали ее привлекательной, как, например, когда-то счел ее привлекательной – ныне уже покойный – муж. А вот другие почти даже не скрывали своего неприязненного отношения к ее внешности.

– Забирай ее себе, Стрикленд, – продолжал мужчина, поправляя свой галстук. Затем он показал на того, кто лежал на полу, и добавил: – Может, отпустишь моего брата?

Колин не стал делать этого сразу – он как будто над чем-то размышлял.

– Если я еще когда-либо увижу, что вы дурно обращаетесь с леди, я вас уже не отпущу, – наконец сказал он.

Затем он убрал ногу с горла мужчины, лежащего на полу, и тот быстро встал, держась рукой за шею. Бросив на Стрикленда злобный взгляд, он поспешно пошел прочь.

Его брат пошел вслед за ним, но неторопливым шагом.

Стрикленд и спасенная им женщина остались в нише одни.

Она почувствовала в ушах какой-то шелестящий шум. Ее сердце сильно заколотилось, как у голубки, которая отчаянно пытается подняться в воздух и улететь прочь. Не осознавая,

что делает, она устремилась к своему спасителю и обняла его, крепко вцепившись пальцами одной руки в его плечо. Ее другая рука, оказавшись между их телами, опустилась на его грудь. Он был сейчас для нее как бы знакомым островом посреди того темного моря, в котором она оказалась.

Он от удивления весь напрягся. Она уже открыла было рот, чтобы выразить свою благодарность и облегчение в связи с тем, что он появился как раз вовремя и спас ее от угрожавшего ей ужаса, но тут до нее донесся, перебивая ее, его голос:

– Был очень рад помочь вам, мисс...

Она снова вознамерилась было поблагодарить его и дать кое-какие объяснения, но затем резко закрыла рот.

В ее мозгу лихорадочно зароились мысли.

Он, похоже, не узнал ее. Ну да, не узнал. Она ведь в маске. И тут темно. Кроме того, она не произнесла еще ни слова.

Осознание этого нахлынуло на нее волной, и она снова почувствовала облегчение. Это было облегчение уже совсем другого рода, но все же облегчение. Он сразу бы узнал ее голос, если бы она заговорила. Поэтому женщине показалось вполне очевидным, что ей не следует ничего говорить. Да, она не должна этого делать. У нее ведь, получается, есть шанс выпутаться из этой ситуации, причем так, что ни лорд Стрикленд, ни ее пасынок не узнают, что она сдуру пришла сюда.

Она отстранилась от него, прикусив губу, как будто это могло не позволить ей что-либо сказать. Ее руки, все еще прижимающиеся к его груди, слегка задрожали. Он был крепким и сильным, а его грудь оказалась более широкой, чем она себе раньше представляла.

Она подняла взгляд и тут же почувствовала себя зачарованной его глазами. У него были красивейшие глаза. Преодолев их чары, она посмотрела поверх его плеча, опасаясь того, что внезапно может появиться ее пасынок.

– Они не вернутся, – заверил ее Колин, по-своему истолковавший ее обеспокоенность.

Подняв руки к ее плечам, он слегка сжал их, чтобы как-то подбодрить ее.

Она пристально посмотрела на него. Он думает, что она все еще боится тех двоих? Нет, он избавил ее от страха перед ними. Она слегка покачала головой. А вот от еще одного своего страха она избавится только в том случае, если сумеет вернуться в свой дом в Лондоне и будет уверена, что о ее пребывании здесь, в «Содоме», никто не узнал.

Он опустил взгляд, и его серебристые глаза стали всматриваться в нее сквозь полумрак. Она всегда считала эти глаза необыкновенными, всегда полагала, что они могут увидеть больше, чем любые другие глаза, что они... видят все насквозь.

Ее пасынок был импульсивным и даже вспыльчивым. За прошедшие годы он далеко не один раз вызывал у нее серьезное беспокойство. Она считала, что Колин действует на него сдерживающе. Ведь Колин благоразумный, рассудительный и осмотрительный. А значит, он хороший друг для Маркуса. Как раз такой друг, в каком Маркус нуждается. Он также проявил себя сегодня вечером как хороший человек по отношению и к ней самой, поскольку вмешался и спас ее, причем даже полагая, что она для него – всего лишь незнакомка.

Он погладил ее по плечам:

– Пойдемте. Давайте я уведу вас отсюда.

Она не поняла, что он имел в виду, говоря «отсюда», – из этого салона или из этого заведения. Как бы там ни было, она позволила ему увести ее, потому что ей и в самом деле хотелось поскорее покинуть это место. При этом ей не пришлось ничего говорить, что было для нее очень даже кстати.

Молодой человек взял ее за руку и потянул за собой. Когда они вышли в коридор, его ладонь скользнула вниз по ее руке. Ни у него, ни у нее на руках не было перчаток. Его теплые пальцы обхватили ее ладонь, и сердце у нее в груди забилося сильнее.

Прошла уже целая вечность с того времени, когда мужчина держал ее руку в своей руке дольше нескольких секунд. Мужские руки обычно прикасались к ее руке лишь для того, чтобы быстренько помочь ей слезть с лошади или же сесть в карету. А вот это прикосновение было совсем другим: оно было интимным и как бы слегка собственническим.

Она украдкой покосилась на его профиль. На сильную линию носа, на очертания квадратной челюсти. Она видела его так, как она всегда его видела... Так, да не так. Он сейчас выглядел каким-то другим. Здесь, в этой обстановке, лорд Стрикленд заставил ее дышать чуточку быстрее.

Он, несомненно, был красивым. Она, конечно же, всегда так думала, но с безразличием. Примерно с таким же безразличием, с которым человек смотрит на красивое произведение искусства. Или же просто на симпатичного мужчину – симпатичного молодого мужчину, на которого такая матрона, как она, могла положить взгляд лишь как на потенциального жениха для ее падчерицы. А разве она могла не сделать этого? Было трудно не заметить, каким задумчивым взглядом ее падчерица смотрит вслед лорду Стрикленду. Несколько лет назад она, Грасиэла, даже подумывала, что из этих двоих могла бы получиться хорошая пара, но, понаблюдав за их манерой общения друг с другом, она пришла к выводу, что Колин относится к Энид лишь как к младшей сестре.

Сегодня вечером, однако, в этот конкретный момент, Грасиэла вдруг испытала к нему совсем другие чувства... И это было непростительно. Она поспешила мысленно одернуть себя и списала свои ощущения на окружение, в котором сейчас оказалась. Как только она вырвется из этого непристойного места, все вернется на круги своя. *Она* снова станет благоразумной. Она снова станет достойной вдовствующей герцогиней, и лорд Стрикленд снова станет для нее всего лишь другом ее пасынка. Станет мужчиной, который намного младше ее и который являет собой запретный плод, во всяком случае для нее.

Он повел ее по коридору – мимо парочек, которые были так увлечены друг другом, что не удостоили их даже взглядом.

– Я полагаю, вы хотите уехать отсюда?

Она кивнула.

– Я провожу вас на улицу и найду для вас наемный экипаж.

Она с благодарностью улыбнулась и снова кивнула. Возможно, она сумеет передать пару слов Мэри-Ребекке через привратника, причем так, что лорд Стрикленд этого не услышит. Ей не хотелось заставлять свою подругу волноваться, но она не могла продолжать находиться в этом клубе удовольствий, учитывая, что где-то здесь слоняется ее пасынок. Мэри-Ребекка все поймет, когда она, Грасиэла, расскажет о том, что с ней здесь произошло.

Грасиэла посмотрела вперед и увидела, что они приближаются к верхней площадке лестницы, к которой сходились несколько коридоров.

По лестнице поднимался какой-то джентльмен. Еще немного – и он окажется на верхней площадке. Грасиэла, сразу же узнав его, напряглась от волнения.

Его высокий рост и манера держаться были такими же знакомыми для нее, как рост и манера держаться его отца – и ее покойного мужа.

У нее во рту появился кислый привкус. По телу пробежал неприятный холодок, а сердце в груди отчаянно заколотилось. Похоже, что уже слишком поздно. Ее пасынок – вот он. Она идет ему навстречу. В следующее мгновение они столкнутся лицом к лицу. Она не сможет от него спрятаться. Ей предстояло пережить нечто ужасное.

Она вдруг почувствовала, что лорд Стрикленд находится совсем рядом с ней. Его крупное тело слегка коснулось ее сбоку. Она ощутила на своей щеке его дыхание.

Маркус уже шел навстречу им по коридору, и она, затаив дыхание, наблюдала за темной фигурой на фоне света, исходящего от канделябров. Тот же самый свет делал черты его лица более отчетливыми. Ошибиться было невозможно: это именно он, ее пасынок.

Она положила ладонь себе на грудь, туда, где колотилось сердце, как будто бы стараясь не позволить ему выскочить наружу из-за корсажа.

Маркус поднял руку и приветственно помахал ее спутнику.

– Стрикленд! – позвал он, чуть наклоняясь в сторону. По всей видимости, ему лишь с большим трудом удавалось удерживать равновесие. – Что это ты там нашел? Что-то такое, с чем можно поиграть?

Он говорил, слегка растягивая и не очень четко произнося слова. По-видимому, он сегодня вечером много пил. На него это не было похоже. По крайней мере это не было похоже на него такого, каким он был до произошедшего с ним несчастного случая.

Многое изменилось после того, как он вышел из комы. С тех пор как появился незаконный сын его отца, Маркус стал другим. Он перестал быть беззаботным. Ей, пожалуй, следовало бы учесть чувства Маркуса, возникшие в связи с этим, прежде чем радушно принять Струана Маккензи у себя дома. Но она знала, что значит быть чужаком, и жалела мистера Маккензи, брошенного собственным отцом и отвергаемого своим сводным братом. Будучи вдовой герцога Отенберри, она считала себя обязанной исправить несправедливость, допущенную по отношению к Струану его отцом, который его так никогда и не признал.

Она была уверена, что встреча с ней в клубе удовольствий отнюдь не улучшит мрачное настроение Маркуса. И о чем она только думала? Ей следовало бы попросту не обращать внимания на дурацкие желания, овладевающие ею, как какая-то порочная болезнь. Больше она так поступать не будет.

Если ей удастся выпутаться из данной ситуации и ее никто не узнает, то она уже никогда больше не позволит себе совершать столь безрассудные поступки.

У нее с Маркусом всегда были хорошие взаимоотношения. В этом ей повезло. Покойный герцог Отенберри не удосужился оставить своей вдове какой-либо доли в наследстве – то ли по недосмотру, то ли умышленно. По какой причине такое произошло, она не знала. Но она и не очень-то переживала по этому поводу. Ее супруг умер. Умер уже немало лет назад, а она продолжала жить, вкладывая всю свою энергию в то, чтобы быть хорошей матерью и хорошей мачехой.

Маркус был щедрым по отношению к ней: он предоставил ей свободу действий относительно имущества Отенберри и никогда не подвергал сомнению то, как она тратит деньги, где она живет, где она проводит праздники и как она воспитывает свою дочь – его сводную сестру. И ей отнюдь не хотелось проверять, каковы же пределы его щедрости. Она была не настолько глупой, чтобы воспринимать хорошее отношение к ней со стороны ее пасынка как нечто само собой разумеющееся.

Некоторые вдовы оказывались в исключительно тяжелой ситуации, и она – ради своей дочери – не собиралась повторять их судьбу. Англия была сейчас ее домом, и она не осмеливалась подвергать себя риску потерять все то, что у нее здесь имелось.

В Испании у нее ничего не осталось. Ее родители умерли, и их родовые земли перешли в собственность к какому-то дальнему родственнику. Ее сестры вышли замуж и уехали. Даже если бы она и захотела вернуться на родину, возвращаться уже было некуда...

Маркус сделал шаг по направлению к ним, и ее сердце стало колотиться настолько сильно, что она даже начала ощущать боль.

– Ну что же, давай посмотрим, что тут у тебя есть. Она не рыжеволосая, но я не стану считать это ее недостатком.

Она стала пятиться и натолкнулась на теплое мужское тело. Стрикленд, похоже, только что переместился и встал не сбоку, а позади нее. Его ладони обхватили ее руки выше локтя. Она стала ощущать исходящий от него запах, основу которого составлял аромат мыла и сандалового дерева. Чистый зрелый мужчина. Если она и замечала раньше, что он довольно при-

влекателен, то это никогда не производило на нее сильного впечатления. Во всяком случае, такого сильного, как сейчас.

Маркус продолжал приближаться к ним. Она даже заметила блеск в его глазах. От волнения у нее возникло тошнотворное ощущение. Маркус был уже так близко!

Она не могла позволить себе встретиться с ним здесь, в этом месте.

По мере того как расстояние между ними сокращалось, в ней нарастала паника. Даже будучи в маске, она чувствовала себя легко узнаваемой. Она была уверена, что он узнает ее. Возможно, не сразу, но стоит ей открыть рот и что-то сказать – и он узнает ее. Как долго она еще сможет хранить молчание? Ситуация была безвыходной. Грасиэла почувствовала себя добычей, которую парализовало при появлении хищника.

Сделав глубокий вдох, она повернулась на каблуках вокруг своей оси, но тут же натолкнулась на лорда Стрикленда. Он все еще стоял позади нее. Все еще ждал. И на его лице было вопросительное выражение.

– Не переживайте. Он, возможно, выглядит как ретивый жеребец, но он мой друг, – заверил он, отчетливо почувствовав охватившее ее беспокойство, но по-своему истолковав его причину. – Он безобиден. Даже если бы он и не был таким, я не позволил бы ему даже прикоснуться к вам.

От его слов у нее на душе стало тепло.

Она сглотнула и благодарно кивнула ему, хотя и чувствовала при этом страх, ибо Маркус продолжал приближаться к ним.

Нарастающее чувство тревоги заставило ее приоткрыть рот и приготовиться что-то сказать. У нее не было другого выбора.

Ее слова показались ей самой булыжниками, с грохотом покотившимися между ними.

– Помогите мне, – тихо произнесла она.

Приподняв подбородок, она уставилась на него умоляющим взглядом и настороженно ждала, как он отреагирует. Лорд Стрикленд был сейчас единственной надеждой Грасиэлы в ее отчаянном стремлении избежать общения с Маркусом.

Ей пришлось напрячь шею, чтобы можно было смотреть на него снизу вверх. Он что, всегда был таким высоким? И таким широкоплечим? И таким импозантным?...

Она слегка вздрогнула. Нет, он не был таким, когда она встретила его в первый раз. Он был тогда всего лишь подростком, еще только начинавшим превращаться в мужчину. Долговязым подростком с симпатичным лицом и ломающимся голосом. Она тогда – в возрасте восемнадцати лет – и сама была еще почти подростком.

Но это было целую вечность назад. Грасиэла тяжело вздохнула. Теперь они уже далеко не дети – ни она, ни он.

Отогнав от себя эти воспоминания, она нервно облизнула губы и тут вдруг услышала, как из-за ее спины пасынок сказал:

– Ну, если эта леди не возражает, я тоже не прочь с ней поразвлечься, Стрикленд.

Глава 4

«Querido Dios!»²

От таких шокирующих слов пасынка сердце у нее заколотилось с бешеной скоростью – так, что запульсировали жилки на шее. Ей было нужно срочно что-то предпринять.

Едва владея собой, она схватила Стрикленда за одежду.

– Помогите мне! – повторила она.

Эти ее слова прозвучали еле слышно, просто как какое-то дуновение ветерка. Но Стрикленд их услышал.

Он посмотрел сначала вниз, на ее побелевшие в суставах пальцы, а затем вновь на ее лицо. Наклонив голову и слегка прищурившись, он стал всматриваться в ее лицо:

– Ваш голос...

Она, выдохнув, кивнула. Она откроет ему правду относительно того, кто она такая. Да, откроет. Уж лучше открыть ее ему, чем Отенберри.

– Нельзя, чтобы *он* увидел меня здесь, лорд Стрикленд.

Выражение сомнения и удивления напрочь исчезло с его лица. Его глаза расширились и заблестели: он ее узнал. Он сделал движение к ней, в результате чего они почти прильнули друг к другу.

– Леди Отенберри? – прошептал лорд Стрикленд, и она почувствовала на своем лице тепло его дыхания. – Грасиэла? Что вы здесь делаете?

– Пожалуйста, вытащите меня отсюда. – В ее голосе чувствовалась крайняя степень отчаяния. – Нельзя, чтобы он увидел меня здесь, – повторила она, произнося каждое слово очень отчетливо и раздумывая при этом, следует ли ей приподнять свои юбки и броситься бежать прочь в том случае, если он откажется ей помочь. Возможно, это было бы каким-то безумием, но ее все больше охватывала паника, подавляющая здравый смысл.

Стрикленд внимательно посмотрел на ее лицо, а потом скользнул взглядом вдоль всего ее тела сверху вниз. Его глаза очень ярко поблескивали в темном коридоре, и она еще никогда прежде не видела такого блеска в его глазах.

Он схватил ее за руку. Не успела она осознать, что он вообще делает, как молодой человек увлек ее за собой и завел в ближайшую комнату. За их спинами, скрипнув, захлопнулась дверь.

Теперь они стояли в этом новом для них пространстве, молча таращась друг на друга. При этом он прислонился спиной к двери – так, как будто собирался противостоять Маркусу и не позволить ему зайти внутрь комнаты. Грасиэла, осознав это, почувствовала небольшое облегчение.

Стрикленд медленно покачал головой.

– Что вы здесь делаете? – Она еще никогда не слышала такой требовательности в его голосе. Впрочем, сейчас все в нем было каким-то необычным: и его манера говорить и смотреть, и упрекающий взгляд. – Это место – не для вас.

Она почувствовала, как ее охватывает раздражение. У нее мелькнула мысль, что он не сказал бы подобных слов мужчине одинакового с ней возраста. Неужели она такая *старая* и такая *почтенная* и он полагает, что у нее нет права здесь находиться?

Вне всякого сомнения, он приписал ее к определенной категории. К той категории *беспольных* существ, к которой относятся монашки и бабушки.

– Я имею полное право находиться здесь...

– В самом деле? Ну, если вы так уверены в своем праве находиться здесь, то тогда прошу вас, выйдите в коридор и пообщайтесь со своим *пасынком*.

² О возлюбленный Господь! (*исп.*)

Его слова прозвучали для нее как пощечина.

Он отошел от двери, схватился за ручку и начал открывать дверь.

Не отдавая себе отчета, она взвизгнула и, стремительно бросившись к нему, прижала молодого человека к двери, тем самым заставив его невольно закрыть ее.

– Нет! Не делайте этого.

Она тяжело задышала. Ее выдохи оказывались где-то на уровне его груди. Вот каким он был высоким! Даже в полумраке она смогла рассмотреть пульсирующую жилку на его горле. Будучи сама выше среднего роста, Грасиэла всегда ценила в мужчинах высокий рост.

Она подняла взгляд и посмотрела ему в глаза. Он наблюдал за ней, стоя абсолютно неподвижно. Вплотную к ней. Их тела касались друг друга. Их сердца бились в такт.

Такая близость была очень даже опасной... Однако Грасиэла ни за что на свете не смогла бы сделать шаг назад и оторваться от него. Она не смогла бы перестать смотреть в эти светлые серо-голубые глаза, которые сердито разглядывали ее. Она и это его сердитое выражение тоже раньше никогда не видела. Он всегда был очень вежливым и обходительным с ней. Идеальный в своем поведении джентльмен.

Его мрачное лицо и пристально смотрящие глаза зачаровывали ее. Она облизала губы, и он тут же перевел свой взгляд на них. Ей показалось, что его голубые глаза чуть-чуть потемнели. А может, это просто освещение в комнате было слишком тусклым? Его взгляд скользнул ниже.

Она тоже быстренько опустила глаза, вспомнив о том, какой неприлично глубокий разрез у ее платья. Оттого что она так сильно прижалась к его телу, верхняя часть ее груди стала сильно выпирать выше линии выреза. Грасиэла почувствовала, что ее лицо стало заливаться краской, а затем увидела, как начинает краснеть и довольно смуглая кожа ее груди.

Соски ее груди невольно напряглись внутри корсета.

У нее перехватило дух. Хотя он, наверное, не мог почувствовать и не мог догадаться, как *сейчас* ее тело предает ее (*и рядом не с каким-нибудь другим мужчиной, а вот с ним!*), она отпрянула назад.

Теперь, когда их стало разделять расстояние в три-четыре фута³, они снова устали друг на друга и стояли так, наверное, целую вечность. Ее сердце забилось сильнее и быстрее в ее сжатой корсетом груди. Грудь, которая лишь несколько секунд назад прижималась к нему. Соски ее груди по-прежнему были напряженными, как будто она все еще чувствовала, что прижимается к его телу.

При мысли о крепком мужском теле она обвела лорда Стрикленда быстрым взглядом и представила его себе... лежащим на ней и давящим на нее...

В то же мгновение она одернула себя, усилием воли заставив отбросить эту дерзкую мысль.

Однако жар, обжигающий щеки, стал еще более горячим.

Она сделала глубокий вдох. Это просто потому, подумала Грасиэла, что она оказалась здесь, в этом доме безнравственности, где в голову приходят такие – абсолютно недопустимые – мысли, причем не о ком-нибудь, а о лорде Стрикленде. А ведь он лучший друг ее пасынка и уже давнишний друг семьи. Даже если бы лорд Стрикленд и не был слишком молод для нее (*а он для нее как раз таки слишком молод!*), он все равно бы являлся абсолютно неподходящим кандидатом для флирта. Это было не просто неприемлемым... Это... Даже думать об этом... уже само по себе было с ее стороны проявлением извращенности. Он, наверное, пришел бы в ужас, если бы узнал о таких ее мыслях.

Наконец-таки он переместил взгляд с нее на дверь, которую она не дала ему открыть. По крайней мере, было похоже на то, что Маркус не пошел вслед за ними. Он, наверное, подумал, что Стрикленд твердо намерен «пообщаться» с ней наедине.

³ Один фут приблизительно равен 30 сантиметрам.

– Вам следовало знать, что здесь вполне может оказаться ваш пасынок.

Тон его голоса был назидательным, и это, черт побери, ее рассердило. Она – взрослый человек. Она на шесть лет старше его, Стрикленда, и ей нет никакой необходимости выслушивать его упрёки.

– По правде говоря, мне такое в голову не пришло. – Она пожала плечами. – Это было спонтанное решение. Кроме того, Маркус предпочитает не рассказывать о своих наклонностях.

Его губы скривились.

– Конечно же, не рассказывает, потому что это было бы неуместно.

Его слова и тон его голоса снова заставили ее почувствовать себя неловко. Она осознала, что он, конечно же, считает ее приход сюда неуместным.

Ручка двери неожиданно закрипела.

Когда дверь начала открываться, Грасиэле показалось, что время замедлило свой ход.

Она с трудом удержалась от того, чтобы не вскрикнуть, и, стремительно прикрыв рот ладонью, стала пятиться. Если это был Маркус, то спрятаться от него она уже не сможет. Ей придется столкнуться лицом к лицу со своим пасынком, а затем дать ему какое-то объяснение по поводу того, почему она находится здесь. А какое она могла дать объяснение? Она оказалась здесь... в этом месте, в котором сливаются воедино удовольствие и разврат. Какое еще может быть объяснение, кроме того, что она стала одной из *таких* женщин? Стала разнузданной вдовой, думающей только о своих удовольствиях и не обращающей внимания ни на свою репутацию, ни на строгие моральные наставления, которыми ее пичкали в юности и которыми руководствуется приличное общество.

Реакция Стрикленда на открывающуюся дверь была очень быстрой. Он поспешно покачал головой, и это напомнило Грасиэле о монахине по имени Эсперанса – персонаже из ее детства. Эта старая монашка обучала Грасиэлу и ее сестер, пока они не достигли возраста семнадцати лет. Она, будучи своего рода драконом со стальными глазами, могла передать очень много информации одним лишь быстрым взглядом. Стоило ей лишь приподнять свою густую бровь или слегка покачать головой, прикрытой вуалью, как Грасиэла тут же переставала баловаться.

Схватив ее за дрожащие пальцы, Стрикленд потащил ее в полумрак помещения.

– Подыграйте мне, – посоветовал он.

Она последовала за ним без каких-либо возражений. Они поспешно зашагали вдвоем, спустившись при этом по ступенькам там, где эта комната переходила в более просторное помещение, посреди которого стояла кровать.

Кровать, которая *не была пустой*.

Грасиэла до сего момента толком не рассмотрела окружающую ее обстановку, поскольку ее внимание было всецело отвлечено на Стрикленда и на опасность столкнуться лицом к лицу с ее пасынком.

Теперь же, когда этот молодой граф повел ее вглубь помещения, она стала осматриваться по сторонам. Начав под принуждением Стрикленда пятиться и почувствовав тыльной стороной коленей плюшевый диван, она резко обернулась и посмотрела вниз, на диван, а затем шлепнулась задом на этот мягкий и удобный для сидения предмет мебели.

Стрикленд сел рядом с ней – сел очень близко, бок к боку.

Ей очень хотелось посмотреть в сторону двери, чтобы проверить, действительно ли в это помещение зашел Маркус, но она не смогла оторвать взгляд от стоящей в комнате кровати и тех, кто на ней лежал. Кровать была *огромной*. На ее необъятной поверхности лежали и совершали кое-какие движения мужчина и женщина. Их тихие вздохи и стоны сопровождались регулярными чмокающими звуками при столкновении тел.

Грасиэла ахнула и попыталась встать с дивана, чтобы уйти.

– Не паникуйте. – Граф схватил ее за руку и, потянув, заставил сесть рядом с ним. – Здесь не только мы с вами. Глазеть тут очень даже позволено. Посмотрите вон туда.

Он кивком указал в противоположный угол комнаты, и она, проследив за ним, увидела еще нескольких человек. Они спокойно сидели в креслах, наблюдая за происходящим на кровати с таким видом, как будто смотрели развлекательное представление в лондонском саду Воксхолл-Гарденз.

Возле камина стоял какой-то мужчина. Он засунул одну руку в карман и наблюдал слегка прищуренными глазами за совокупляющейся парочкой. Грасиэла, продолжая внимательно осматривать комнату, с удивлением заметила пару дам, которые, устроившись на небольшом диванчике, прихлебывали чай из чашек. Они восторженно наблюдали за всей этой сценой такими же жадными глазами, какие были у находящихся здесь мужчин, и это ее удивило: оказывается, для женщин наблюдать за совокуплением может быть так же интересно, как и для мужчин.

Она вообще-то знала, что Мэри-Ребекка получает удовольствие от встреч со своими любовниками, однако посмотреть на нечто подобное самой – это для Грасиэлы было настоящим шоком. У нее как бы открылись глаза на то, что женщины могут быть – осознанно и по собственному желанию – сексуальными созданиями и что они могут наслаждаться каждым моментом интимной близости не меньше, чем мужчины. Это вызвало у нее прилив каких-то странных чувств. Ее кожа вдруг показалась ей горячей и слишком маленькой для ее тела – ну, как будто ее лишь с трудом натянули на скелет. Грасиэла заерзала на диване и уселась поудобнее, осознавая, что рядом с ней находится сильное мужское тело.

– Некоторые люди любят наблюдать за этим, – сказал Стрикленд в качестве объяснения, и от глухого звучания его голоса у нее в нижней части живота что-то слегка запульсировало.

Грасиэла вдруг заметила, что невольно разинула рот, и резко закрыла его. Ну конечно, Стрикленду это все известно. Он ведь в «Содоме» не такой, как она, новичок, который чувствует себя неловко и которого надо спасать уже даже при самой первой встрече с противоположным полом.

Ее разочаровывало и смущало то, что она не могла как-то лучше справиться с положением, в котором она сейчас оказалась. Эта неоднозначная ситуация буквально вынуждала ее обратиться в бегство, но при этом ей нужно было любым способом избежать встречи со своим пасынком.

Маркус.

Ее взгляд оторвался от парочки, совокупляющейся на кровати. Она посмотрела поверх плеча лорда Стрикленда и увидела, что вглубь помещения, держа руки за спиной и ничуть не колеблясь, идет ее пасынок. То, что граф попытался скрыться здесь от него, не остановило Маркуса. Он пошел вслед за ними.

– Не смотрите в его сторону, – еле слышно сказал ей на ухо Стрикленд. – Если только не хотите, чтобы он вас узнал.

Она кивнула, но не смогла удержаться от того, чтобы не бросить в сторону Маркуса еще один взгляд, прежде чем полностью отвернуться от него.

– Стрикленд! – позвал Маркус.

– Тсс-с!..

Дамы, сидящие на диванчике, уставились на ее пасынка.

Он, взглянув на них, нахально усмехнулся.

Грасиэла, увидев, что Маркус направился к ней и Стрикленду, уселась поглубже на диване, надеясь использовать графа в качестве щита, который закроет ее от Маркуса.

Прильнув сбоку к Стрикленду, она прошептала:

– Он идет сюда.

Граф повернулся, теснее прижался к ней своим телом, тем самым еще сильнее вдавив ее в диван так, чтобы она была не очень заметной. Его руки очень аккуратно обхватили ее туловище. Она посмотрела на него, и их взгляды встретились.

– Не говорите вообще ничего.

Она сжала губы, несмотря на то, что сомневалась, что сможет произнести еще хотя бы слово. У нее возникло такое ощущение, как будто ей на грудь свалился тяжеленный камень-валун и из-за него она уже не может ни вдохнуть, ни выдохнуть. То, что Стрикленд прижался к ней своим телом, буквально лишило ее дара речи.

Она уже бывала физически близка к нему раньше. Даже один раз танцевала с ним. Но на этот раз все было, несомненно, совсем по-другому. Так, как будто они вдвоем оказались внутри какого-то пузыря. Только они вдвоем. И он был в этом пузыре повсюду вокруг нее. Пусть даже такое и было невозможным. Его грудь и руки как бы обволакивали ее со всех сторон. От его тела исходило тепло. Она вздохнула. «Dios ayúdame»⁴. Он пах так приятно!

Она знала, что эта их близость друг к другу является вынужденной. Лорд Стрикленд пытался спрятать ее от пасынка. И она была ему за это благодарна. Очень благодарна. Пусть даже она и чувствовала, что может в любой момент потерять над собой контроль.

– Пытаешься попридержать свою находку для себя одного, да?

Знакомый голос пасынка, пусть даже и слегка измененный под воздействием алкоголя, вызвал у нее прилив паники. Грасиэла украдкой посмотрела на него, когда он остановился позади Стрикленда и навис над ней и графом.

подавив в себе рвущееся наружу всхлипывание, она положила голову на плечо графа и тем самым скрыла свое лицо, очень сильно желая, чтобы того, что сейчас происходит, не происходило.

Затем она слегка повернула лицо на округлом плече графа, радуясь тому, что он спасает ее от встречи лицом к лицу с ее пасынком, стоящим сейчас всего лишь в нескольких футах от нее. А еще она радовалась и кое-чему другому. В отличие от множества мужчин из светского общества он носил одежду без подкладки, и это давало ей возможность хорошо почувствовать своим лбом крепкие мышцы широкого плеча. Его тело было хорошо сложенным, и у нее промелькнула мысль: а как, интересно, он выглядит под вот этой одеждой?

С ее стороны было весьма неуместно думать о нем в подобной манере, но такие мысли тем не менее роились в ее мозгу. «Наверное, это все из-за этого заведения». Из-за того, что она видела и слышала в этой комнате. И *все еще* слышит. И чувствует. В воздухе буквально витал запах интимной близости.

Это должно было бы вызвать у нее отвращение. *Должно* было бы вызвать. Но не вызвало. Вместо этого ее тело стало пульсировать, его охватил какой-то болезненный жар. У нее как будто бы началась лихорадка.

Она почувствовала на своем виске дыхание графа, а затем и прикосновение его губ, которые зашевелились, когда он стал отвечать Маркусу:

– Так в этом и заключался смысл прихода сюда, разве не так? Мы пришли сюда, чтобы каждый получил какое-то удовольствие.

Граф говорил тихо, и ей казалось, будто ветерок обдувал ее кожу, но при этом его слова прозвучали достаточно отчетливо для того, чтобы ее пасынок их услышал.

А еще ей показалось, что, произнося эти слова, Стрикленд обращался не к Маркусу, а к ней.

Приоткрыв губы, прижатые к тонкой материи его одежды, она хрипло вздохнула. По ее коже побежала дрожь, которая дошла до ее груди, и соски напряглись, жажда удовлетворения.

⁴ Боже, помоги мне (исп.).

– Да, именно так, – сказал Маркус, и его бесстрастный голос показался ей таким похожим на голос ее покойного мужа, что у нее во рту появился кислый привкус.

Если бы она не знала, что это говорит именно Маркус, то вполне могла бы подумать, что слышит голос покойного герцога. Эта мысль могла бы остудить ее неуместное возбуждение, но как раз в этот момент Стрикленд положил свою ладонь ей на затылок. Его длинные пальцы проникли в ее полураспущенные волосы и пошевелили копну, так что они полностью распустились и упали ей на шею и плечи. Она осознала, что он сделал это только для того, чтобы еще лучше скрыть ее, но, с другой стороны, это показалось ей довольно эротичным и смелым. Мышцы ее живота невольно напряглись, когда сильные пальцы графа погладили ей волосы на затылке.

Даже ее муж – и тот не удосуживался прикасаться к ее волосам. Когда дело доходило до интимной близости, он всегда действовал очень быстро. Прикосновений было мало, причем большей частью он касался ее ниже уровня талии. Грасиэла полагала, что она сама в этом виновата, – полагала так потому, что он ей об этом говорил. Да, он заявлял ей бесчисленное число раз о том, что она недостаточно смелая и активная. Недостаточно возбуждающая. «Ты как какой-то труп, Грасиэла». После такой реплики было уже трудно должным образом настроиться на интимную близость.

Она закрыла глаза, чувствуя, как подушечки пальцев Стрикленда касаются ее затылка, гладят, надавливают. Эти прикосновения действовали на ее мышцы расслабляюще.

Тяжелое тело опустилось на диван с другой ее стороны, придавив диванные подушки. Ей было понятно, кто это. *Маркус*. Чтобы это понять, ей даже не нужно было на него смотреть: ей подсказал возникший в животе болезненный спазм. Она вся напряглась, тут же забыв о тех ощущениях, которые вызвали у нее близость и приятный запах Стрикленда.

Ее пальцы вцепились в руки Стрикленда – так, как будто она нуждалась в том, чтобы ее поддержали и не дали ей упасть.

«Нет, нет, нет. Пожалуйста. Этого всего сейчас не происходит. Не позволяйте этому произойти».

Движения парочки на кровати стали более быстрыми, а издаваемые мужчиной и женщиной звуки – более громкими.

Она вдруг почувствовала головокружение. Она оказалась зажатой. Оказалась физически зажатой между Стриклендом и Маркусом.

Она подняла голову повыше и уткнулась носом в шею графа. Ее губы были все еще открытыми, и она чувствовала солоноватый вкус его разгоряченной кожи. Проведя по ней губами, она задрожала: кожа на его шее была такой теплой и привлекательной! Несмотря на страх, терзающий ее сейчас, у нее возникло какое-то странное – и очень сильное – желание провести по его коже языком, чтобы получше ощутить ее вкус.

К обнаженной коже на ее правом плече прикоснулись пальцы. Прикоснулись лишь слегка, но она сильно вздрогнула. Это были пальцы не Стрикленда: ведь обе его руки уже прикасались к ней. Значит, это были пальцы Маркуса. Она почувствовала, как к ее горлу подступила желчь. Ее пасынок прикоснулся к ней. Ей сейчас станет дурно.

– Пожалуйста... – прошептала она Стрикленду, хотя и осознала, что он, скорее всего, не услышит ее шепота.

Пальцы Маркуса, ощупывая ее, медленно скользнули вниз по линии ее плеча.

Грасиэлу охватила дрожь. Ей необходимо как-то остановить его. Она знала, что у него возникнет такое же чувство отвращения, как у нее самой, если он вдруг узнает, что прикасается подобным образом к своей мачехе.

Она приподняла голову, тем самым уже едва не выдавая себя. Но какой у нее в данный момент имелся выбор?

Она не могла позволить этому продолжаться, потому что он сейчас начнет прикасаться уже не только к ее плечу.

Внезапно раздавшийся голос Стрикленда заставил ее слегка вздрогнуть:

– Извини, Отенберри. Она – только моя.

Затем, прежде чем она осознала, *что* он делает, Стрикленд приподнял ее и усадил себе на колени. При этом он расположил ее так, что она села на его колени как бы верхом и ее юбки легли вокруг ног молодого человека. Чтобы удержать равновесие, ей пришлось положить ладони на его плечи.

В таком положении ее лицо оказалось выше, чем его лицо. Ее волосы спускались каскадами вокруг ее наклоненной головы, скрывая ее лицо от сидящего рядом Маркуса.

Она заметила блеск в выразительных голубых глазах Стрикленда, которые, казалось, смотрели куда-то глубоко внутрь нее. Когда она стала рассматривать его, скользя взглядом сверху вниз, все остальное, что ее окружало, как бы затуманилось. Звуки, издаваемые совокупляющейся парочкой, стали более тихими.

Она почувствовала, как к ее ушам прилила кровь, когда его ладони проскользнули под завесу ее волос и прикоснулись к ее лицу. Эти широкие ладони чиркнули по нежной коже ее щек, и большие пальцы стали скользить туда-суда.

Он пристально посмотрел на нее и тут же отвел взгляд. Точнее говоря, они как бы быстро обменялись взглядами, а затем он притянул ее лицо к своему лицу. Когда их губы соприкоснулись, ощущение было таким сильным, что по ее телу пробежали ледяные мурашки. На какое-то коротенькое мгновение в голову пришла мысль, что ей надо бы оттолкнуть его от себя.

Но затем эта мысль улетучилась.

Грасиэла уже очень давно не целовала мужчину.

Она почувствовала себя молоденькой девушкой, и ее губы, задрожав, робко ответили на его поцелуй. Она как будто бы целовалась впервые в жизни. И во многих отношениях именно так оно и было. Этот поцелуй совсем не был похож ни на те целомудренные поцелуи, которыми она обменивалась с сыном пекаря до того, как вышла замуж, ни на те поцелуи, которыми ей доводилось обмениваться позднее со своим мужем. Отенберри никогда не уделял много внимания поцелуям.

А еще на нее очень сильно подействовало то, что она сейчас сидела на нем как бы верхом. Ее бедра были широко разведены и обхватывали его бедра, а юбки обволакивали его колени. Положение их тел было более чем интимным. Она ощущала своим телом тепло его тела. А еще она чувствовала в себе странную силу, но при этом осознавала, что лишь одним щелчком пальцев он мог эту ее силу у нее отнять.

Ее пальцы медленно сгибались и разгибались на верхней части ее груди – так, как будто не знали, куда им двигаться и что делать. Да, ей показалось, что ее руки обладают своей собственной волей. И им не хотелось его отталкивать.

Его губы были мягче, чем она предполагала. Она ощутила на своих губах их теплоту, давление и сладость.

Ее пальцы скользнули вверх и прикоснулись к его плечам.

Его пальцы в ответ крепче сжали ее волосы. Он чуточку подался назад, и его губы очень тихо произнесли слова, расслышать которые смогла только она одна:

– Поцелуйте меня. И сделайте это так, чтобы это выглядело как настоящий поцелуй.

«Как настоящий поцелуй».

Он сказал это потому, что все, что сейчас происходит, – ненастоящее. Для него – ненастоящее.

Ему, видимо, вовсе не хотелось делать все это с ней. Осознание этого подействовало на нее и облегчающе и, как ни странно, разочаровывающе. Она отогнала от себя мысли о разочаровании и сконцентрировалась на чувстве облегчения. Если ей необходимо устроить убеди-

тельный спектакль, то так тому и быть. Она пришла сюда сегодня вечером, чтобы *пожить*, чтобы испытать то, чего в ее жизни уже так долго не было, чтобы ее жизнь – и в настоящий момент, и в будущем – не была уже больше бесконечным потоком какой-то серости.

Она вздохнула, а затем еще крепче вцепилась в его плечи и прижала свои губы к его губам, наконец-таки целуя его в ответ.

Он, реагируя на это, наклонил своей рукой ее голову так, чтобы можно было целовать ее покрепче. Затем он перехватил инициативу и стал целовать ее губами и языком, слегка прикасаясь зубами к ее зубам. Все, что она могла при этом делать, – так это дышать носом и стараться не потерять сознания от нахлынувших на нее бурных ощущений.

Грасиэла выпустила его плечи и обхватила руками его туловище, как бы цепляясь за него по мере того, как она летела в пропасть охвативших ее чувств.

Они слегка двигались. А точнее, двигалась она одна.

Она не замечала, что раскачивается, сидя на нем. Она не замечала этого, потому что сосредоточилась на ощущении его языка у себя во рту и его пальцев у себя в волосах. Она не открывала глаз. Она не замечала ничего, кроме него.

Она слегка охнула, когда он опустил руку на ее бедро и переместил ее тело так, чтобы ее промежность оказалась как раз напротив его напрягшегося мужского органа.

Его губы стали более агрессивными и буквально атаковали ее губы. Ее еще никогда не целовали так крепко. И так тщательно. Ей показалось, что он находится повсюду вокруг нее, а ведь это был всего лишь поцелуй. «*Dios mío*». Интересно, какой была бы... настоящая близость с ним?

«Ты этого никогда не узнаешь, потому что то, что сейчас происходит, – это всего лишь имитация».

Однако помнить об этом стало очень трудно после того, как он приподнял свои бедра и прижал их к ее бедрам. Было трудно помнить, что все это всего лишь мистификация, когда она начала стонать и давить нижней частью живота вниз, на твердый выступ у него между ногами.

Он стал целовать ее еще крепче, а она продолжала раскачиваться и тереться об него, пока ей уже не захотелось сорвать с себя и с него одежды. Она не хотела, чтобы между ними находились какие-то барьеры. Ей хотелось, чтобы их тела вообще ничего не разделяло. Ей хотелось ослабить то напряжение, которое он в ней вызвал. Ей показалось, что в ее животе сжалась какая-то пружина. Из нее стали вырываться какие-то дикие звуки, которые он гасил своими губами. Это было мучением. Восхитительным мучением.

Рядом с ней послышалось хихиканье.

– Если ты не хочешь делиться, тогда тебе лучше найти себе отдельную комнату, потому что, черт меня побери, я распаляюсь, глаза на вас двоих.

Английский, возможно, и не был ее родным языком, но Грасиэла без труда поняла смысл слов Маркуса, пусть даже они и показались ей невероятными из-за того, что их произнес ее пасынок, которого она знала на протяжении более чем половины его жизни. И почти половины *ее* жизни. В ее присутствии он всегда вел себя исключительно как джентльмен. Возможно, она его толком не знала. Как не знала толком и его отца. Не знала до тех пор, пока уже не стало поздно, то есть пока она не произнесла брачный обет.

Грасиэла, ахнув, полностью вернулась к реальной действительности, все еще сидя верхом на коленях лорда Стрикленда. Ее широко раскрытые глаза увидели его – не менее широко раскрытые – глаза, и она поспешно прижала пальцы к своим подрагивающим губам.

Чары развеялись.

Глава 5

Колин сказал самому себе, что этот поцелуй – всего лишь уловка с целью заставить Отенберри подумать, что он, Колин, серьезно увлекся этой женщиной и не желает делиться ею ни с кем. Целовать ее сейчас означало защищать ее. Оберегать ее.

Вообще-то это означало защищать не только герцогиню, но и Отенберри. Он знал, что его друг отнюдь не обрадуется, если обнаружит ее здесь. Он знал это точно так же, как и то, что ей отнюдь не хочется, чтобы ее пасынок узнал в этой вот женщине *ее*. Так что уберечь нужно было *их обоих*. Уберечь от потенциально неприятной ситуации. Он старался для них, а не для самого себя.

А потому он мысленно сказал себе, что ничего в этом поцелуе не было настоящим и что он аж никак на него не подействовал.

К сожалению, он никогда не был искусным лжецом, а уж тем более не умел обманывать самого себя. В действительности этот поцелуй очень даже на него подействовал. Возникшая у него эрекция являлась тому подтверждением.

По правде говоря, за прошедшие годы ему в голову частенько приходили неуместные мысли относительно герцогини Отенберри. Будучи по натуре пылким мужчиной, он считал, что она была как раз в его вкусе. Знойные темные глаза и темные волосы. Тело с красивыми очертаниями и очень даже выпуклыми формами. Когда она что-то говорила, ему казалось, что ее голос как бы ласкает его кожу.

Он, конечно же, старался не давать своей фантазии уж слишком много воли, но...

Он был всего лишь мальчиком, когда впервые увидел ее, и она дала его богатому воображению много поводов разыгрываться в годы его юности, когда он лежал ночью в постели. Он был уверен, что угодит из-за этого после смерти в преисподнюю. Она ведь была мачехой его лучшего друга. А еще она была замужней женщиной и находилась далеко за пределами имеющихся у него реальных возможностей. Чем больше он вырос, тем лучше ему удавалось отгонять от себя такие мысли.

И вот теперь, целую вечность спустя, она сидит здесь и сейчас верхом на его коленях. И она уже не замужем.

Хотя светловолосые женщины с молочно-белой кожей и васильково-синими глазами считались брильянтами общества и пользовались популярностью, лично он отдавал предпочтение совсем другому типу женщин. Такому, какой в лондонском обществе был отнюдь не распространенным. И герцогиня Отенберри соответствовала его вкусу ну просто идеально.

Он, конечно же, всегда скрывал и подавлял в себе свое влечение к леди Отенберри. Само собой разумеется, ему никогда бы даже и в голову не пришло начать действовать в соответствии со своими импульсами. У него имелась своя собственная честь, и флирт с мачехой его лучшего друга явно противоречил бы имеющимся у него представлениям относительно чести.

Однако сегодня вечером, в тот момент, когда его губы прикоснулись к ее губам, стало уже больше невозможно вести себя по отношению к ней сдержанно. И он теперь сомневался, что это когда-либо снова станет возможным. Все мысли о соблюдении правил его кодекса поведения джентльмена куда-то улетучились. Колин уже не мог думать о неправильности своих действий после того, как почувствовал, какая она *сладкая*. Ее губы были идеально нежными, и их прикосновение к его губам было таким приятным! Тот самоконтроль, при помощи которого он сдерживал себя все эти годы, вдруг показался ему... совсем не нужным.

Он вкусил ее, и теперь уже никогда не сможет повернуть назад. Сделать все таким, каким оно было раньше, уже не получится. Он *хочет ее*.

– Никогда не считал тебя эксгибиционистом, Стрикленд, а я ведь знаком с тобой уже много лет, – сказал Отенберри, тем самым невольно напоминая Колину, почему он и Грасиэла

вдруг перестали целоваться: она услышала его, Маркуса, голос. Впрочем, именно Отенберри стал ранее причиной того, почему они начали целоваться, но для Колина это было неважно. Важно было то, что из-за Маркуса они остановились. У Колина из-за этого даже возникло желание встать и ударить своего друга.

Граф оторвал взгляд от женщины, сидящей у него на коленях, и перевел его на Отенберри. Тот приподнял темную бровь, желая услышать ответ.

– А я и не эксгибиционист, – сказал Колин в ответ, и это было правдой.

Отенберри показал рукой на то, что их сейчас окружало:

– Тем не менее ты выбрал именно это заведение.

Колин окинул взглядом комнату и на пару секунд уставился на мужчину и женщину, рьяно занимающихся тем, чем он сам очень хотел бы заняться с женщиной, сидящей у него на коленях. Его телу было наплевать на то, кто она такая, – оно жаждало войти в нее.

Переведя взгляд обратно на своего друга, он увидел, что Отенберри снова таращится на Грасиэлу. Ее лицо, к счастью, было все еще скрыто темными густыми волосами, но Отенберри уже протягивал к ней руку, как будто хотел откинуть ее рассыпавшиеся по плечам волосы в сторону.

Колин обхватил Грасиэлу руками за талию и, вставая, приподнял ее вверх и в сторону, так чтобы она оказалась вне зоны досягаемости руки Отенберри. А еще он закрыл ее своим телом и держал ее так, чтобы ее лицо было скрыто от назойливого взгляда Отенберри.

– Позволь нам побыть наедине.

В глазах Отенберри блеснуло понимание, и он, вновь окинув взглядом комнату, произнес:

– Ну ладно, я, пожалуй, найду для себя собственное развлечение.

– И правильно сделаешь.

Колин не стал продолжать этот разговор. Обхватив Грасиэлу руками, он чувствовал, как она дрожит. Ему необходимо увести ее отсюда. Вся эта ситуация стала такой затруднительной, что нужно было побыстрее из нее выпутаться.

Держа женщину за руку, он повел ее прочь из комнаты. Она охотно пошла за ним. Когда они вдвоем вышли в коридор, дверь за ними тихонько закрылась и доносившиеся изнутри звуки стихли.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он еще никогда не видел ее такой – с растрепанными, свободно ниспадающими ей на плечи волосами и со слегка припухшими от поцелуев губами. *Его* поцелуев.

Ее широко раскрытые темные глаза казались остекленевшими, когда они уставились на него. Она как будто бы не знала, как ей выбраться из всего того, что только что произошло.

А вот у него имелась очень даже замечательная идея относительно этого происшествия, которая включала в себя поиск какой-нибудь подходящей кровати. Найти таковую в этом заведении было бы не очень трудно.

Однако уже в следующее мгновение его охватило чувство разочарования, потому что он осознал, что такого произойти не может. Одного лишь взгляда на нее, уже оглядывающуюся по сторонам с таким видом, словно она ищет ближайший выход из этого заведения, было достаточно, чтобы понять: сейчас о кровати можно даже не заикаться. В течение нескольких быстроечных мгновений она, возможно, и отвечала на его поцелуй, но никакого продолжения с ее стороны не последует.

Он взял ее за запястье и потянул за собой:

– Пойдемте.

Она поспешила вслед за ним.

Он попытался подавить чувство разочарования и напомнил себе о том, кто она. Она – леди, к которой он всегда относился с должным почтением. Относился так, как относятся к матери своего друга.

Однако отныне, когда бы он на нее ни посмотрел, она всегда будет для него уже кем-то другим. Она будет для него женщиной, с которой он целовался. Женщиной, которая, как он уже знает, приходила в «Содом». Мысль об этом становилась для него навязчивой.

Сколько раз она уже бывала здесь? Скольких мужчин она уже завлекала к себе в постель? И почему ему хочется убить их всех – всех до одного?

Он, похоже, рассердился и шел настолько быстро, что она едва поспевала за ним. Юбки шлепали ее по лодыжкам, а пальцы сжимали его руку, которой он держал ее за ладонь.

– Куда вы меня ведете? – наконец спросила она, тяжело дыша.

– Я никуда вас не *веду*. Я просто вывожу вас из этого заведения, – скороговоркой ответил он.

– А-а.

Она тут же стала мысленно ругать себя за то, что произнесла это дурацкое междометие. Оно прозвучало так, как будто она, Грасиэла, разочарована.

– Это ведь то, чего вы сами хотели и о чем вы меня попросили, – напомнил Стрикленд, слегка сжимая пальцами ее ладонь и бросая быстрый взгляд через плечо в сторону комнаты, в которой он только что вызвал у нее так много эмоций. – Разве не так?

Грасиэла поспешно закивала:

– Да.

Она ведь и в самом деле попросила его об этом, когда заметила в коридоре Маркуса. До того, как Стрикленд завел ее в ту комнату. До того, как он ее поцеловал.

Поцелуй. Каким бы нелепым это ни было, ей теперь казалось, что отныне ее жизнь можно разделить на две части: до того, как она поцеловала лорда Стрикленда, и после того. Потому что этот поцелуй многое изменил. Она вдруг почувствовала себя другой. Совсем другой.

Ее губы все еще трепетали, а в теле по-прежнему чувствовалось тепло в местах, к которым он прикасался и которые, как ей казалось, никогда раньше не испытывали подобных ощущений. А если учесть, что она была вдовой и знавала прикосновения мужчины, то новизна этих ощущений значила очень и очень многое.

Она сделала глубокий вдох. Ей было необходимо побыстрее расстаться со Стриклендом, чтобы оказаться наедине с собой и поразмыслить над тем, что означало для нее это изменение.

Он повел ее вниз по задней лестнице, то есть не по той лестнице, по которой она попала на второй этаж вместе с Мэри-Ребеккой.

– А вы пришли сюда одна? – спросил он с легким любопытством в голосе. Он спускался вниз по ступенькам, не выпуская руки Грасиэлы и увлекая ее за собой.

– Нет. Моя подруга...

– Леди Толбот? – предположил он, и в его голосе прозвучало не только любопытство, но и кое-что другое.

– Ну да. Откуда вы это знаете?

– Я видел ее здесь раньше, и мне известно, что вы с ней подруги. – Его губы расплылись в легкой улыбке. – Она сюда частенько заходит.

– В самом деле? – пробормотала Грасиэла, злясь на него за эту его улыбку и все то, что она подразумевала. Мэри-Ребекка, похоже, была желанной и регулярной посетительницей «Содома». Грасиэла невольно почувствовала укол ревности.

Ей тут же стало интересно, целовался ли он когда-либо с Мэри-Ребеккой и понравилось ли ему целоваться с ней. Возможно, они делали и что-то *более значительное*, чем поцелуй. От Мэри-Ребекки вряд ли стоило ожидать, что она станет рассказывать ей, Грасиэле, буквально обо всех своих встречах в «Содоме». Мэри-Ребекка была красивой женщиной, да и Колин,

без всякого сомнения, был по-своему очарователен, а потому ее подруга, конечно же, сочла бы его привлекательным.

Когда они дошли до первого этажа, Грасиэла покосилась на его мужественный профиль. А кто не счел бы его привлекательным? Если бы ее падкой на мужчин подруге выпала возможность побыть с ним, разве смогла бы она не воспользоваться этой возможностью?

Тем не менее мысль о том, что между ним и Мэри-Ребеккой могли быть какие-то интимные отношения, вызвала у нее большое неудовольствие. Она подавила в себе неожиданно возникшее острое желание дотронуться до своих губ, сохранивших жгучее прикосновение губ лорда Стрикленда. Это прикосновение оставило на них своего рода ожог на всю ее оставшуюся жизнь. Ожог от прикосновения *его* губ.

Когда он вдруг внимательно посмотрел на нее, ей подумалось, что она правильно сделала, что не стала прикасаться к своим губам. Ей совсем не хотелось, чтобы он увидел, что она притрагивается к своим губам, как бы смакуя воспоминания о его поцелуе. Нет, не хотелось. Ему не следует знать, какое сильное впечатление он на нее произвел. А иначе ему, пожалуй, придется подавлять в себе смех. Он, возможно, постоянно целуется с женщинами, и для него это ничего не значит. А поэтому и для нее это не должно ничего значить.

Она займется тем, что станет прикасаться к своим губам и вспоминать о том умопомрачительном поцелуе лишь тогда, когда окажется в одиночестве.

Они остановились в узком вестибюле. В его дальнем конце виднелась потертая деревянная дверь, которая, должно быть, представляла собой вход для слуг или же для посетителей, которым была нужна бóльшая скрытность.

Он вздохнул:

– Я никогда не думал, что увижу здесь *вас*.

В выражении его лица читалось неодобрение.

По-видимому, он улыбался только от упоминания о частых приходах в «Содом» Мэри-Ребекки. Не Грасиэлы. Такого рода занятие было, похоже, не для нее.

Она сделала глубокий вдох через нос, явно чувствуя себя оскорбленной. Кто он такой, чтобы ее осуждать? Ее самая близкая подруга может быть здесь регулярно, а она, Грасиэла, – нет?

Он выпустил ее руку и направился к двери, предполагая, по-видимому, что Грасиэла пойдет вслед за ним.

Она подумала, что сейчас, наверное, подходящий момент для того, чтобы объяснить, что она зашла в «Содом» впервые в жизни, что ей здесь очень сильно не понравилось и что она уже больше никогда не захочет сюда прийти. Однако гордость заставила ее смолчать на этот счет.

Грасиэла пожала плечами:

– То, что мы знакомы уже много лет, еще не означает, что мы хорошо знаем друг друга, лорд Стрикленд.

Он остановился, снова повернулся и посмотрел на нее таким долгим тяжелым взглядом, что она, глядя в его серебристо-голубые глаза, подумала, что он похож на судью, который готовится вынести ей суровый приговор.

– Я теперь лорд Стрикленд, да? Вообще-то, вы раньше называли меня Колин.

Да, это верно, она частенько называла его по имени. Однако сейчас, в данной ситуации, называть его по имени показалось ей неуместным – это ведь стало бы свидетельством того, что они сблизились.

– Мы поцеловались, и я вдруг стал лордом Стриклендом.

В его голосе прозвучала насмешка. Грасиэла предпочла не обращать на нее внимания.

Ну вот, он это сделал. Он упомянул поцелуй. Назвал то событие, которое стало в этот вечер ключевым и которое теперь проигнорировать нельзя. Она вздохнула. Возможно, это и к лучшему. Им необходимо обсудить происшедшее и во всем разобраться.

Она нервно сглотнула и осмотрелась по сторонам. Пространство, где они стояли, вдруг показалось ей удушливо маленьким.

– Насчет этого поцелуя... – начала она. – Я благодарна вам за то, что вы сделали... за то, что вы помогли мне, но нам необходимо забыть о том, что такое когда-то происходило.

Она ожидала, что на его лице появится выражение облегчения. Она ведь сейчас предоставляла им обоим возможность найти выход из этой затруднительной ситуации. Они попросту вернутся к тому, что было раньше. И будут делать вид, что ничего не произошло.

Он подошел поближе, и это смутило ее. Особенно из-за того, что ей теперь пришлось смотреть в его глаза и видеть то выражение, с каким они смотрели на нее. Обычно взгляд графа был добрым, в нем чувствовались обходительность и любезность. Ну прямо-таки взгляд идеального джентльмена!

Но вот сейчас его голубые глаза сверкали, когда он смотрел на нее. И он уже не был похож на джентльмена. Он скорее походил на коварного пирата из какого-то романа. Воздух в тесном пространстве вокруг них, казалось, заискрился. Грасиэла почувствовала себя угодившей в ловушку – как будто она оказалась в клетке с непредсказуемым зверем, который вдруг может укусить ее.

– Разве вам не понравилось это, Эла? – Его голос прозвучал подобно далекому, чуть приглушенному раскату грома. – Что ж, вы смогли ввести меня в заблуждение.

У нее зачесалась кожа возле глаз. Она сделала глубокий вдох через нос и попыталась не обращать внимания на его близость к ней. А еще на то, что они сейчас наедине. Здесь нет Маркуса, который мог бы помешать им. Здесь нет незнакомцев, которые находились в том салоне и отвлекали на себя их внимание, – что, впрочем, не помешало им обняться и поцеловаться, испытав при этом довольно сильные чувства. Кто знает, *что* может произойти между ними, когда они находятся наедине, в полном смысле этого слова? Это была не очень хорошая ситуация для женщины, которая решила только этой ночью – и никогда больше – немножко *пожить*, найдя для себя какие-нибудь приключения. Между ними сейчас могло произойти что угодно. В ее животе что-то сжалось. Все порочные сцены, которые Грасиэла увидела сегодня вечером, стремительно промелькнули перед ее внутренним взором. Очистить. Нужно очистить от них свою память.

– Я – мачеха Маркуса.

Это робкое напоминание она произнесла очень тихим голосом.

Он пожал плечами:

– Ну и что? Маркусу необязательно об этом знать.

Она впилась в него взглядом, пытаясь понять, *что* он предлагает.

– Вы имеете в виду...

Он указал пальцем на нее и себя:

– Ему необязательно знать о том, что происходит между нами.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы в полной мере осознать смысл его слов.

– Вы предлагаете...

– Я предлагаю, чтобы были «мы», – сказал он. – Вы и я.

Она громко рассмеялась. Ее нервы были перенапряжены, и она попросту не смогла удержаться от смеха: то, что он предлагал, показалось ей весьма нелепым.

Он нахмурился:

– Я не шучу. Вы ведь именно ради этого пришли сюда сегодня вечером, разве не так? Вы пришли в «Содом», чтобы найти мужчину, который разделит бы с вами ложе?

Как он сумел догадаться о ее мотивах и так точно определить их?

– Я... я...

– Человека приводит в «Содом» отнюдь не одно лишь любопытство. – Он говорил таким ровным и спокойным голосом, как будто разъяснял ей какую-то простенькую концепцию. – Люди приходят сюда, когда они ищут что-то... хотят чего-то. Или кого-то.

Лорд Стрикленд уставился на нее с выжидательным видом.

Она сглотнула, изо всех сил желая найти в себе силы отказаться от этого предложения, но тут перед ее мысленным взором промелькнуло лицо Эванджелин. Когда-то ее подруга была живой и энергичной, но уже ушла из жизни и теперь лежала глубоко под землей.

Грасиэла знала, что в конце концов такая же судьба ждет и ее. Смерть приходит ко всем. А ей попросту хотелось пожить еще перед тем, как это произойдет, хотелось насытиться всеми теми земными радостями, которые предлагает жизнь, до того как наступит неизбежный день.

Пока что палитра ее существования состояла всего лишь из нескольких цветов, и большая часть из них была связана с ее дочерью. Клара была единственным источником ее радости и давала ей цель в жизни и в течение блеклых лет ее замужества, и в течение всех тех лет, которые прошли после того, как она похоронила мужа.

Колин был прав.

Она пришла сюда, потому что чего-то хотела. А точнее, *кого-то*. Возможно, «хотела» было даже не совсем правильным словом. Она *нуждалась* в том, чтобы найти цветá и наполнить ими свою жизнь. Глядя на симпатичное лицо Колина, она уже вот-вот была готова поверить в то, что он как раз был таким любовником, которого она искала здесь, в «Содоме».

Однако для нее было абсурдным полагать, что такой молодой и крепкий мужчина в расцвете лет, как он, такой красивый и привлекательный, еще не женившийся и не ставший отцом, может стать любовником, который ей подходит. Он мог подыскать себе кого-нибудь среди молодых женщин. У него имелось так много вариантов! С ее стороны было уж слишком самонадеянным полагать, что ему интересна именно она.

Грасиэла слегка покачала головой:

– Лорд Стрикленд, я для вас уже слишком стара.

Он посмотрел на нее долгим взглядом и сказал:

– Это ваша отговорка? Вы лишь ненамного старше меня, Эла.

– На шесть лет.

– Пустяки.

Она покачала головой:

– Вам следовало бы обратить внимание на тех молоденьких девушек, которые недавно стали выходить в свет. Выбрать одну из них. Жениться на одной из...

– Я вовсе не предлагаю вам выйти за меня замуж, Эла, – перебил он ее.

Молодой человек усмехнулся, произнося эти слова, – так, как будто уже сама мысль о том, что он женится на ней, которая была старше его и которая уже вышла из возраста, когда рожают детей, была забавной шуткой. Ее лицо зарделось от охватившего ее стыда.

Ну да, это всего лишь шутка.

Однако его следующие слова заставили ее насторожиться. Он уже не усмехался:

– То, что я вам предлагаю, – это, конечно же, любовная связь.

– Да, конечно же, – эхом ответила она, вдруг почувствовав у себя в душе пустоту. Она осознавала, что любовная связь – единственное, что когда-либо может между ними возникнуть, но тем не менее это отнюдь не ослабляло охватившую ее горечь. Она годилась только для поспешных совокуплений, не более того. Между ними не может быть ничего достойного. Пустая, бессодержательная любовная связь – вот и все, на что она могла рассчитывать. Касаясь одной рукой стены, Грасиэла обошла его и направилась к двери.

У нее за спиной раздались шаги: он пошел вслед за ней. Она поспешно открыла дверь и вышла наружу, где ее ждали ночная темнота и холодный воздух. Такой воздух благоприятно действовал на ее перегревшееся тело. Она приподняла подбородок и глубоко вдохнула.

Перед ней, вдоль длинной стороны здания «Содома», тянулась какая-то улица, и Грасиэла посмотрела сначала в один ее конец, а затем в другой. Даже в это позднее время по улице проезжали кареты. Это была весьма оживленная часть города, в которой находились несколько игорных домов и клубов.

Она подняла руку, подзывая к себе наемный экипаж и не дожидаясь, когда Колин потрудится найти его для нее. Единственное, чего ей в данный момент хотелось, так это поскорее приехать домой и лечь в постель. В одиночестве.

Колин подошел и встал рядом с ней.

– Эла, я вовсе не имел в виду ничего оскорбительного. Мы знаем друг друга уже много лет, и я не смог бы...

Она опустила руку и повернулась к нему. То облегчение, которое она испытала, выйдя наружу, тут же улетучилось. Она задрожала от холодного, сырого воздуха.

– Несмотря на многолетнее знакомство, мы друг друга толком не знаем, милорд. Я не вижу причины, по которой нам следовало бы изменить такое положение вещей.

Ему на лицо падал свет от находящегося рядом уличного фонаря, и она заметила, как он сжал челюсти.

– Думаю, что я знаю вас достаточно хорошо, Эла.

– Нет, лишь самым поверхностным образом, – возразила она.

Его, похоже, охватил гнев. Это было странно. Грасиэла всегда знала его исключительно как любезного молодого человека, но сегодня вечером ей довелось увидеть графа Стрикленда в разных эмоциональных состояниях, и ни одно из них она не стала бы ассоциировать с понятием «любезность». И это делало его довольно опасным человеком – таинственным симпатичным персонажем из какого-то готического романа, в котором героиня долгое время не знает, герой он или негодяй.

– Значит, я для вас всего лишь незнакомец? – с вызовом спросил лорд Стрикленд, подходя чуть ближе и становясь похожим на какую-то надвигающуюся стену пульсирующей энергии, которая обожгла бы ее, Грасиэлу, если бы у нее хватило глупости к ней прикоснуться.

Женщина скрыла охватившую ее неловкость и с безразличным видом пожала плечами.

– Значит, это не то, что вы искали? – продолжал вопрошать Стрикленд твердым голосом. Затем он протянул руку и провел пальцем по ее подбородку, как бы обозначая контур маски. – Вы хотели мимолетной интимной связи инкогнито? Хотели встретиться с кем-то, кто снял бы напряжение у вас между ног, чтобы затем вы могли вернуться к своей добропорядочной жизни герцогини Отенберри, как будто такого никогда и не было?

От волнения у нее перехватило дыхание.

Его слова были грубыми и резкими... но при этом отнюдь не лживыми. Хуже того, от них у нее и в самом деле возникло напряжение в промежности. Она впилась взглядом в его симпатичное лицо, и у нее в мозгу зазвучал жуткий одноголосый хор: да, да, да, да, да, да.

– Я могу быть таким мужчиной для вас, – добавил лорд Стрикленд. Когда он говорил, были видны его ровные белые зубы. – Я почувствовал это, когда вы сидели на мне и когда я целовал вас. Вам захотелось, чтобы я вошел глубоко в вас. – Он окинул ее похотливым взглядом, и она почувствовала, что у нее в животе что-то сжимается, дергается и переворачивается. – И это все еще можно сделать.

Она глубоко вдохнула, осознавая, что за разговор в такой манере ей следует дать ему звонкую пощечину.

В этот момент раздалось ржание лошади, запряженной в проезжающий мимо экипаж. Это напомнило Грасиэле об окружающем ее мире, и она решила, что не будет устраивать истерику и давать ему пощечину, как какая-нибудь разволновавшаяся девица.

Она подняла руку, и на этот раз к ней тут же подъехал стоявший неподалеку наемный экипаж. Кучер, соскочив на землю, открыл для нее дверцу.

Грасиэла подошла поближе к Стрикленду и коснулась рукой его груди – коснулась лишь слегка. Наклонившись вперед, она прошептала свой ответ ему на ухо, не обращая внимания на то, как сильно заколотилось ее сердце от такой физической близости к нему:

– Будьте уверены, что если у меня возникнет напряжение между ног, которое нужно будет снять, то я найду кого-нибудь другого – не *вас*, – кто бы это сделал.

Повернувшись, она устремилась внутрь экипажа, испытывая глубокое моральное удовлетворение. Он оскорбил ее – и она ему отомстила. Он оскорбил ее не столько своим предложением стать ее любовником, сколько той насмешкой, которая прозвучала в его голосе, когда он заявил, что вовсе не предлагает ей выйти за него замуж. Пусть он думает, что она станет искать себе другого мужчину. Может, и станет.

Она услышала, как граф сообщил кучеру ее адрес. Она откинулась на спинку сиденья и затаила дыхание в ожидании, когда экипаж тронется с места, чтобы увезти ее прочь от «Содома».

Всю дорогу до своего городского особняка Грасиэла сидела в напряжении и почувствовала себя в безопасности, только когда зашла внутрь покоев. Служанка Минни помогла ей раздеться и лечь в постель.

Уже лежа на огромном матрасе, укрытая покрывалами, она уставилась невидящим взглядом куда-то в пустоту.

Зимний ветер завывал за стеклами ее многостворчатого окна со стойками. Это были унылые звуки, но они подбодрили ее. Ведь они были для нее такими знакомыми. И находиться одной в постели – это тоже было ей очень даже знакомо.

Сегодня вечером ее впервые поцеловали за последние более чем десять лет.

Она стала вспоминать, как все это происходило. Буквально все – вплоть до тех резких слов, которые она произнесла, расставаясь со Стриклендом. С *Колином*.

Грасиэла подтянула колени к груди и свернулась в плотный клубочек. Лежа сейчас таким образом в постели, женщина представила себе, что бы произошло, если бы она приняла его предложение: он, наверное, орудовал бы у нее между ног – там, где сейчас и в самом деле возникло напряжение.

Ее рука скользнула в промежность и прикоснулась к женскому органу. Он показался ей горячим, и напряжение в нем было сильным и почти болезненным. Она аж застонала от неудовлетворенности. Хотя, вообще-то, это и было чем-то порочным, она все же стала ласкать саму себя, надавливая основанием ладони на свой женский орган и потирая пальцами маленький выступ, способный доставить немаленькое удовольствие. Она делала это, пока все ее тело не начало подрагивать, а дыхание стало быстрым и прерывистым. Она пыталась довести себя до оргазма, но он все никак не наступал. В конце концов она сдалась и почувствовала при этом такое разочарование, что едва не расплакалась.

Она убрала руку из промежности и перевернулась на спину. Ее дыхание было тяжелым и шумным.

Ей показалось, что она зависла над бездонной пропастью. После этого вечера она уже не могла быть такой, как прежде. Она находилась на грани совершения какого-то значительного поступка, и ей было необходимо решить, что же это будет за поступок.

Когда она была маленькой девочкой, папин смотритель – его звали Франсиско – брал ее с собой на рыбалку. Порой ей удавалось поймать рыбу, и она внимательно рассматривала ее, стараясь запомнить форму и блеск переливающегося брюшка, а затем аккуратно вынимала крючок из раскрытого рта и отпускала ее обратно в темные воды бухты. Ей вспомнился сейчас голос Франсиско и его слова: «У каждого существа есть свои ограничения. Рыба, например, не может жить на суше. Выясни, без чего не можешь жить ты, *mi nina*, и затем никогда не отпускай это от себя».

К сожалению, Грасиэла до сих пор еще толком не знала, без чего же она не может жить. Она в своей жизни вышла замуж, похоронила мужа и перенесла несколько неудачных родов. Она знавала утраты и радость. Самым ярким лучом света в ее жизни была, конечно же, ее дочь.

Однако, как бы она ни любила дочь, Клара уже становилась взрослой и начинала от нее отдаляться. Было, конечно же, справедливо и правильно, что ее дочь найдет себе в жизни свою собственную дорогу. Хотя при мысли об этом сердце Грасиэлы болезненно сжималось, она осознавала, что расставание с Кларой – нечто неизбежное. Ей скоро придется отпустить от себя свою дочь. А потому Клара не может быть тем, без кого она, Грасиэла, не может жить. Ей скоро придется приучаться жить без Клары.

И она, Грасиэла, словно бы снова оказалась на берегу бухты, где она смотрела в воду, в которую только что выпустила рыбку, и ломала себе голову над тем, без чего же она не может жить.

Пришло время это выяснить.

Она, пожалуй, начнет с того, что заведет себе любовника.

Глава 6

На следующий день Грасиэла, вернувшись с похорон в свой городской особняк, тяжело вздохнула. Последнее прощание с Эванджелин ее сильно утомило. Взглянув на свое тяжелое платье из черной шелковой ткани, она очень сильно захотела его снять и вообще как-то от него избавиться. Может, даже сжечь его. А почему бы и нет?

На похоронах все было таким же мрачным, как и в предыдущий день прощания с усопшей. Грасиэле пришлось общаться с пожилыми дамами, рассказывающими о тех женщинах, с которыми им когда-то довелось быть знакомыми и которые ушли из жизни, будучи еще молодыми. Один из таких рассказов был про юную баронессу, которая случайно упала со скалы, разыскивая в тумане свою любимую свинку.

Зато, по крайней мере, это мрачное мероприятие позволило Грасиэле избежать расспросов со стороны Мэри-Ребекки относительно событий, произошедших предыдущим вечером. Она видела вопрос в глазах своей подруги и осознавала, что Мэри-Ребекка жаждет ее объяснений, почему она, Грасиэла, вчера вечером исчезла, но не была готова давать такие объяснения. Она, конечно же, могла соврать или же отказаться что-либо говорить по данному поводу, но ей не хотелось этого делать. Она рассчитала все так, чтобы приехать на похороны и уехать после них в одиночестве. При этом она тщательно избегала оказываться наедине с Мэри-Ребеккой. Последняя была ее ближайшей подругой и единственным человеком, которому она могла в чем угодно довериться, а потому, когда наступит подходящий момент, она ей обо всем расскажет, но не сегодня.

– Добрый день, ваша милость.

Миссис Уэйкфилд поприветствовала ее в вестибюле, тут же расплывшись в улыбке. Грасиэла посмотрела снизу вверх на эту статную женщину, которая была на несколько дюймов⁵ выше ее.

Экономка жестом велела стоящему у дверей слуге отойти в сторону и сама взяла у Грасиэлы ее плащ, перчатки и шляпку.

– Вы, должно быть, продрогли до мозга костей. Сегодня ужасно холодно – слишком холодно для того, чтобы выходить из дома, ваша милость.

– Да, это верно. Да и весь сегодняшний день был каким-то ужасным, – сказала Грасиэла, направляясь к лестнице и горя желанием побыстрее снять с себя платье и отдохнуть в своей уютной спальне.

Эванджелин ушла из жизни и лежит теперь в земле. От осознания этого на душе у Грасиэлы стало так же холодно, как было холодно за окном в этот зимний день.

А вот вчера вечером Грасиэла чувствовала, что ей тепло, чувствовала, что она жива. Когда Колин усадил ее на колени, она испытала сильное и приятное волнение. Ей тогда показалось, что она буквально может выскочить из кожи. Она каким-нибудь образом попытается снова испытать это чувство. Но только не с Колином. Она найдет кого-нибудь другого. Кого-нибудь более подходящего.

– Его милость в библиотеке. Он приехал больше часа назад.

– Маркус?

Грасиэла замерла, держась одной рукой за балюстраду. Ее сердце лихорадочно заколотилось. Интересно, он приехал сюда по какой-то конкретной причине или чтобы попросту, безо всякого повода повидаться с ней?

На несколько секунд у нее появилось опасение, что лорд Стрикленд все рассказал Маркусу, но затем она решила, что он не стал бы этого делать. Ведь он предпринял огромные уси-

⁵ Один дюйм равен 2,54 сантиметра.

лия, дабы вывести ее из клуба так, чтобы ее пасынок не узнал ее. Стрикленд не стал бы сообщать правду после таких усилий.

– Да, – кивнула миссис Уэйкфилд. – Вы пообщаетесь с ним или же вам хочется отдохнуть?

Грасиэла ответила на этот вопрос после долгой паузы:

– Ну конечно же, я с ним пообщаюсь.

Приподняв юбки, она направилась в библиотеку. Идя по коридору в своих шуршащих иссиня-черных юбках, она чувствовала себя какой-то черной вороной.

Библиотека всегда была для Маркуса его любимым местом в доме, хотя у него имелся другой дом в другом районе города. В этой библиотеке каждый сезон появлялись новые книги: их покупали по его заказу. Их набралось уже впечатляющее количество.

Дверь в библиотеку была приоткрыта. Грасиэла, зайдя, увидела, что ее пасынок сидит, развалившись, на диване перед камином. Он уже снял верхнюю одежду и ослабил галстук, а потому чувствовал себя очень даже комфортно.

– Привет, Маркус. Я очень рада, что...

Она замолкла, когда увидела, что Маркус в библиотеке не один.

В одном из кресел сидел Колин. Он вытянул перед собой ноги и небрежно держал в руке бокал с виски. Однако из его бокала – в отличие от бокала ее пасынка – похоже, не было еще сделано даже и одного глотка.

Увидев Грасиэлу, оба мужчины встали.

Ей вообще-то не следовало бы удивляться тому, что *он* тоже находится здесь.

Колина можно было частенько застать в компании с Маркусом. Несколько лет назад – они в то время все еще учились в Итонском колледже – Колин неизменно составлял компанию Маркусу, когда тот приезжал домой на выходные дни. Грасиэла всегда испытывала чувство сострадания к этому юноше, который осиротел в раннем возрасте и у которого из родни осталась лишь безразличная по отношению к нему бабушка, предпочитавшая проводить все свое время с другими пожилыми великосветскими дамами в курортном городе Бат, а не уделять внимание своему внуку.

– Лорд Стрикленд, очень приятно вас видеть.

Ее голос прозвучал тихо и как-то неестественно.

– Ваша милость.

Стрикленд наклонил голову, повинаясь правилам этикета. Она поспешно отвела взгляд в сторону, чтобы не смотреть слишком долго и со слишком большим интересом на его губы, с которыми она уже так близко познакомилась.

Маркус подошел к ней и поцеловал ее в щеку.

– Ты хорошо выглядишь, Эла. Я сожалею по поводу того, что случилось с твоей подругой.

Она опустила глаза и стала разглядывать свои руки с таким видом, как будто они вызвали у нее сейчас огромный интерес:

– Да, это ужасная трагедия.

Маркус жестом предложил ей присесть вместе с ним на диван. Она это сделала, а затем тщательно расправила юбки и нацепила на лицо вежливую улыбку. Она чувствовала на себе пристальный взгляд Колина, но даже не посмотрела в его сторону. Пытаясь вести разговор о том и о сем со своим пасынком, Грасиэла кивала с напускным интересом. И получалось у нее это, по-видимому, довольно хорошо. Во всяком случае, судя по тому, что и как говорил Маркус, он вроде бы ничего необычного не заметил. Впрочем, она не очень-то вслушивалась в его слова.

Она насторожилась только после того, как он обратился к Колину:

– О боже, я не могу поверить, что ты и в самом деле вознамерился это сделать, Стрикленд.

На лице у Маркуса появилось выражение неудовольствия.

Грасиэла поочередно посмотрела на Маркуса и Колина, задержав свой взгляд на последнем чуточку дольше, чем это было бы приемлемо. Колин, должно быть, это почувствовал. Он уставился на Грасиэлу, хотя лицо его при этом не выражало абсолютно ничего.

– Ты еще слишком молод для того, чтобы связать себя брачными узами, – добавил Маркус.

– А мне вот помнится, что ты не так давно вроде бы намеревался связать себя брачными узами с Поппи Фейрчерч, – спокойно ответил Колин, все еще не сводя пристального взгляда с Грасиэлы.

Брачные узы? В мозгу у Грасиэлы зароились мысли. Колин собирается жениться? На ком? Когда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.